

ПРАВО

№ 37.

1910 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРАВО“.

С.-Петербургъ, Владимірскій просп. д. № 19. Телефонъ 41—61.

КОМИССІОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу новыя книги:

П. И. Люблинскій.

**Основныя черты условнаго досрочнаго освобожденія
по закону 22-го Іюня 1909 года.**

М. 1910 г. Ц. 40 к.

Суды по дѣламъ несовершеннолѣтнихъ въ Россіи.

СПБ. 1910 г. Ц. 40 к.

М. В. Аверьяновъ.

Высочайшій указъ 5-го октября 1906 года

объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ бывшихъ податныхъ состояній съ сенатскими и министерскими разъясненіями.

СПБ. 1910 г. Ц. 50 к.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ

Составленъ при участіи профессоръ и преподавателей подъ ред. Проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго.
Т. II. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

- ❖ **Вышомірскій, А. П.** О составленіи инвентарной описи въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ. 1910 г. Ц. 30 к.
- ❖ **Головченко, А. П.** Краткій учебникъ желѣзнодорожнаго счетоводства. 2-ое изд., испр. и доп. 1910 г. Ц. 1 р.
- ❖ **Григорьевъ, В.** Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II. (Учрежденіе о губерніяхъ 7 ноября 1775 г.). 1910 г. Ц. 2 р. 50 к.
- ❖ **Итоги XVIII вѣка въ Россіи.** Введеніе въ русскую исторію XIX вѣка. Очерки А. Лютша, В. Зоммера, А. Линовскаго. 1910 г. Ц. 2 р.
- ❖ **Кіевская Русь.** Сборникъ статей подъ ред. В. Н. Сторожева. Т. I. Изданіе 2-ое, исправл. 1910 г. Ц. 2 р. 75 к. въ перепл.
- ❖ **Книга для чтенія по исторіи новаго времени.** Т. I. 1910 г. Ц. 2 р. 75 к.
- ❖ **Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, подъ редакціей проф. П. Виноградова.** В. I. Изд. 5-ое. Ц. 1 р. 50 к. В. III. Изд. 3-е. Ц. 2 р.; В. IV. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к.
- ❖ **Клаустонъ, Т.** Гигіена ума. 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.
- ❖ **Кругъ чтенія.** Избранныя, собранныя и располож. на каждый день Львомъ Толстымъ мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи. 1910 г. Ц. 2 р.
- ❖ **Титовъ, А. А.** Реформы Александра II и ихъ судьба. 1910 г. Ц. 40 к.
- ❖ **Эрдманъ, Бенно.** Научныя гипотезы о душѣ и тѣлѣ. 1910 г. Ц. 1 р.
- ❖ **Юридическая библіографія.** № 5 (15). Апрель. 1910 г. Ц. 40 к.

17-го Сентября поступитъ въ продажу **НОВАЯ КНИГА:**

П. СЕРГѢИЧЪ. (П. П—въ).

ИСКУССТВО РѢЧИ НА СУДѢ.

СПБ. 1910 г. Ц. 3 р.

П Р А В О

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1910 г.

№ 37.

Воскресенье 12 Сентября.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: профессора В. М. Гессена, І. В. Гессена, проф. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, профессоръ бар. Б. Э. Нольде, М. Я. Пергамента и Л. І. Петражицкаго.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Мѣры соціальной защиты въ отношеніи опасныхъ преступниковъ. Проф. А. Жижиленко. 2) Товарищества съ ограниченной отвѣтственностью. Проф. А. И. Каминка. 3) Защита и обвиненіе по дѣламъ о государственныхъ преступленияхъ. П. Полянского. 4) Берлинскія письма. Г. Н. Штильмана. 5) Дѣйствія правительства. 6) Судебные отчеты: а) Московскій военно-окружный судъ. (Дѣло о безпорядкахъ въ полку). б) Смоленскій окружный судъ. (Дѣло объ аграрныхъ безпорядкахъ). 7) Хроника. 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и въ первомъ мая 3 рубля. За границу на годъ — 10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., въ остальныхъ случаяхъ — 20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Продолжается подписка на 1910 годъ.

Мѣры соціальной защиты въ отношеніи опасныхъ преступниковъ ¹⁾.

Изъ самаго существа мѣръ соціальной защиты вытекаетъ, что для назначенія ихъ, въ противоположность наказанію, не требуется созданія особыхъ органовъ, которымъ должно быть ввѣрено ихъ назначеніе, органовъ судебныхъ — органы административные, повидимому, могли бы быть призваны для ихъ примѣненія, поскольку рѣчь идетъ о констатированіи опасности извѣстнаго лица; точно также порядокъ ихъ назначенія долженъ быть иной, чѣмъ порядокъ назначенія наказанія, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ принимаются во вниманіе тѣ обстоятельства, которыя вліяютъ на степень виновности, тогда какъ здѣсь должна идти рѣчь не о виновности, а объ опасности лица; наконецъ, по самому своему существу мѣры охраны должны, повидимому, назначаться на неопредѣленный срокъ, такъ какъ въ противоположность наказанію, которое назначается въ опредѣленномъ размѣрѣ, сообразно обнаруженной

винѣ, здѣсь прекращенія опасности заранее учесть нельзя, а потому о точномъ размѣрѣ самой мѣры защиты заранее говорить не приходится. Однако, какъ мы увидимъ дальше, интересы личной свободы требуютъ отступленія отъ послѣдовательнаго и строгаго проведенія этихъ выводовъ и въ дальнѣйшемъ будетъ указано, какъ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ идти на встрѣчу запросамъ современнаго правового государства и какъ здѣсь согласовать требованія интересовъ общественныхъ съ требованіями интересовъ частныхъ.

Установивъ то положеніе, что мѣры соціальной защиты по самому своему существу отличаются отъ наказаній, мы должны сдѣлать отсюда логическій выводъ, что поскольку тѣ или иные положенія уголовного права рассчитаны на наказаніе, они не могутъ быть распространяемы безъ особаго указанія закона на мѣры охраны. Такъ, если въ законѣ даются особые правила относительно порядка назначенія наказанія, напр., по вопросу объ обстоятельствахъ вину уменьшающихъ или увеличивающихъ, то эти правила не должны быть примѣняемы при назначеніи мѣръ защиты. При назначеніи ихъ судъ долженъ считаться не съ большей или меньшей сте-

¹⁾ См. „Право“ № 36.

пенью виновности, что собственно и имѣютъ въ виду эти правила, а исключительно съ большей или меньшей степенью опасности преступника, проявленной имъ въ фактъ учиненія опредѣленнаго преступленія. Тѣ или иныя побужденія, изъ которыхъ исходилъ преступникъ при совершеніи своего дѣянія, сами по себѣ значенія не представляютъ при опредѣленіи мѣры охраны; только въ виду того, что данное побужденіе, особенно вкоренившееся въ личности преступника, можетъ свидѣтельствовать о его опасности, оно и принимается во вниманіе. Особенное же значеніе въ этомъ отношеніи получаетъ самый образъ жизни данного субъекта и тѣ условія, въ которыхъ протекаетъ его дѣятельность. Съ другой стороны къ мѣрамъ охраны не должны быть примѣняемы положенія о такихъ институтахъ какъ давность или помилованіе, заключающихъ въ себѣ отказъ государства отъ принадлежащаго ему права на наказаніе. Помилованіе тѣсно связано съ представленіемъ о виновности: милуютъ виноватыхъ. Поскольку же данное лицо лишено свободы именно въ виду своей опасности, представляется нецѣлесообразнымъ отмѣнить эту мѣру при продолжающейся опасности данного лица. Самое освобожденіе его должно быть обусловлено не тѣмъ, что его можно простить, а тѣмъ, что онъ пересталъ грозить обществу, и что при такихъ условіяхъ лишеніе его свободы дальше является нецѣлесообразнымъ¹⁾. На этомъ же основаніи вѣтъ повода для примѣненія давности въ отношеніи случаевъ назначенія мѣры охраны. Вопросъ объ опасности рѣшается судомъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ, и, само собой разумѣется, судъ можетъ усмотрѣть отсутствіе какихъ бы то ни было основаній для примѣненія мѣры охраны, если послѣ совершенія преступленія прошло много времени и есть основаніе думать, что данный субъектъ не представляетъ больше опасности для общества. Съ другой стороны могутъ быть случаи, когда даже теченіе продолжительнаго времени, въ теченіе котораго преступленіе оставалось скрытымъ или преступникъ не былъ пойманъ, нисколько не доказываетъ, что правосудіе имѣетъ дѣло съ человекомъ, не опаснымъ болѣе «за давностью» для правопорядка. Самый вопросъ о примѣнимости къ мѣрамъ соціальной защиты положеній, установленныхъ для наказаній, имѣетъ практическое значеніе и возбуждается именно потому, что о мѣрахъ охраны рѣчь идетъ по большей части въ тѣхъ же уголовныхъ кодексахъ, которые предусматриваютъ и наказаніе, а потому молчаніе закона можетъ дать поводъ къ неправильнымъ толкованіямъ, если мы не будемъ исходить изъ опредѣленнаго представленія относительно природы мѣръ охраны. Только въ швейцарскомъ проектѣ данный вопросъ получаетъ вполне ясный отвѣтъ въ отношеніи примѣнимости давности къ мѣрамъ охраны—именно здѣсь дается опредѣленное указаніе на то, что давность примѣнима и въ отношеніи мѣръ охраны, причемъ эта

¹⁾ Иначе смотритъ на это Вюстъ, замѣчая, что помилованіе есть актъ государственной политики и потому его невыгодно заранее ограничивать (Wüst I. c., p. 183).

давность предусматривается отдѣльно отъ давности, поглощающей наказаніе, чѣмъ лишний разъ подчеркивается особая природа мѣры защиты въ противоположность наказанію (ст. 31—33).

Проникнутыя всецѣло идеей цѣлесообразности, мѣры соціальной защиты должны покоиться еще въ большей степени, чѣмъ наказаніе, на принципѣ индивидуализаціи, на началѣ приуроченія къ данному конкретному случаю той мѣры, которая къ нему всего больше подходитъ. И въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ, что эти мѣры представляются весьма разнообразными въ зависимости отъ особенностей причинъ, порождающихъ опасное состояніе преступника. Въ связи съ установленіемъ различія отдѣльныхъ категорій опасныхъ преступниковъ получаютъ и разнообразныя мѣры, направленные на воздѣйствіе на нихъ въ томъ или иномъ направленіи. Воздѣйствіе это можетъ принимать различное выраженіе. Въ силу этого обстоятельства самыя мѣры могутъ по своему значенію значительно разниться другъ отъ друга, что отражается прежде всего на характеристикѣ режима того мѣста, гдѣ отбываетъ назначенную ему мѣру охраны данный субъектъ, лишенный свободы. Ясно, что мѣры охраны, которыя примѣняются въ отношеніи невмѣняемыхъ, учинившихъ преступленіе, должны быть иныя, чѣмъ мѣры, примѣняемыя, напр., въ отношеніи преступниковъ привычныхъ. Приведенный выше законодательный матеріалъ показываетъ большое разнообразіе этихъ мѣръ въ зависимости отъ характера тѣхъ лицъ, къ которымъ онѣ примѣняются.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ виду того различія, которое представляютъ отдѣльныя группы тѣхъ лицъ, которыя подвергаются въ силу своей опасности этимъ мѣрамъ, вполне понятно, что послѣднія могутъ преслѣдовать различныя цѣли, которыя кладутъ свой отпечатокъ на самый характеръ той или иной мѣры. Эти цѣли могутъ выражаться, какъ и при наказаніи, или просто въ обезвреженіи лица или въ его леченіи или въ его соціальномъ перевоспитаніи. Конечно, поскольку приходится имѣть дѣло съ отдѣльными группами опасныхъ преступниковъ, то та, то другая цѣль выдвигается на первый планъ. Такъ, въ отношеніи преступниковъ опасныхъ невмѣняемыхъ, не подающихъ надежды на излеченіе, мѣры охраны должны проявляться въ простомъ обезвреженіи этихъ лицъ. Они должны быть удалены изъ той среды, въ которой они представляли опасность, и помѣщены въ такія условія, при которыхъ ихъ опасность въ этомъ отношеніи могла бы быть устранена. Самая организація этихъ мѣръ можетъ интересоваться однако уголовное право лишь постольку, поскольку поводомъ для ихъ примѣненія является фактъ учиненія даннымъ лицомъ извѣстнаго правонарушенія. Что касается лицъ невмѣняемыхъ, но подающихъ надежду на излеченіе, то мѣры охраны въ отношеніи ихъ должны примѣняться въ такомъ видѣ, въ какомъ могло бы быть обезпечено ихъ леченіе. Это слѣдуетъ имѣть въ виду въ отношеніи лицъ съ т. н. уменьшенной вмѣняемостью, въ особенности въ отношеніи алкоголиковъ, которые въ случаѣ совершенія преступленія, учиненнаго подъ

вліянієм склонности къ пьянству, должны быть отправляемы въ особыя учрежденія, спеціально для нихъ установленныя. Наконецъ, въ отношеніи тѣхъ лицъ, опасность которыхъ является опасностью соціального происхожденія, слѣдуетъ имѣть въ виду такія мѣры, которыя могли бы способствовать устраненію этой опасности, а достигнуть этого можно посредствомъ дѣятельности, направленной на привитіе данному субъекту такихъ началъ, безъ которыхъ онъ не можетъ считаться безопаснымъ для общества,—именно въ отношеніи подобныхъ лицъ должны быть использованы тѣ средства, при помощи которыхъ можно рассчитывать на искорененіе привычекъ, приводящихъ къ совершенію преступленій. Здѣсь должны быть принимаемы тѣ мѣры, которыя имѣютъ въ виду пріученіе къ труду этихъ опасныхъ для общества субъектовъ. Это—особые рабочіе дома или спеціальныя учрежденія, куда помѣщаются опасные рецидивисты. Поскольку эти лица еще оказываются доступными соотвѣтственному воздѣйствію, не нужно терять надежды достигнуть ихъ возвращенія къ честной жизни, а потому самый режимъ этихъ учрежденій долженъ быть такъ организованъ, чтобы онъ допускалъ возможность исправленія этихъ лицъ. Отсюда необходимость установленія и условнаго досрочнаго освобожденія изъ этихъ учрежденій. Съ этой точки зрѣнія особенно можно привѣтствовать новый англійскій законъ, который прямо исходитъ изъ представленія о томъ, что опасные преступники доступны воздѣйствію исправительнаго характера. Нечего и говорить, что чистыя мѣры обезвреженія въ отношеніи этихъ лицъ, въ родѣ введенной въ 1907 г. въ Индіанѣ кастраціи для опасныхъ преступниковъ, должны быть безусловно отброшены.

Мы установили выше, что мѣры соціальной защиты имѣютъ самостоятельную природу по сравненію съ мѣрами карательными—этимъ и объясняется то, что примѣненіе ихъ возможно не только тогда, когда наказаніе въ данномъ случаѣ вовсе не примѣняется, но и тогда, когда оно примѣняется, а также и тогда, когда оно могло бы быть примѣнено, но не примѣняется въ виду примѣненія въ этомъ случаѣ мѣры охраны. Изъ всѣхъ этихъ случаевъ лишь послѣдній вызываетъ къ себѣ особенное вниманіе. Въ первыхъ же двухъ примѣнимость этихъ мѣръ вполне естественна. Наказаніе не можетъ быть примѣнено тогда, когда для этого нѣтъ подходящаго объекта воздѣйствія. Но, хотя невмѣняемый и недоступенъ воздѣйствію при помощи наказанія, онъ можетъ представлять извѣстную опасность для общества и въ силу одного этого возможно примѣненіе мѣры охраны тамъ, гдѣ не примѣнено наказаніе. Съ другой стороны, поскольку каждый изъ разсматриваемыхъ институтовъ относится къ явленіямъ разнаго порядка, дѣлается возможнымъ примѣненіе наказаній и мѣры охраны вмѣстѣ, и въ этомъ нельзя усмотрѣть нарушеніе принципа, принятаго въ уголовномъ правѣ въ отношеніи назначенія наказаній—*non bis in idem*. И если современное наказаніе исходитъ все еще изъ идеи возмездія, нѣтъ ничего удивительнаго въ этомъ примѣненіи мѣры защиты

наряду съ наказаніемъ. Въ этомъ отношеніи возможна двойная комбинація: или наказаніе отбывается сначала, или же оно примѣняется послѣ того, какъ была примѣнена мѣра охраны. Первое представляется общимъ правиломъ, второе же допускается обыкновенно примѣнительно къ лицамъ съ уменьшенной вмѣняемостью: поскольку наступить ихъ излеченіе во время отбытія ими мѣры охраны, они подлежатъ помѣщенію въ обыкновенную тюрьму для отбытія назначеннаго имъ наказанія. Что касается допустимости примѣненія мѣры защиты взаменъ наказанія, то для объясненія этого слѣдуетъ имѣть въ виду то общее положеніе, устанавливаемое уголовнымъ правомъ, что не всегда наложенное наказаніе должно быть примѣняемо. Наказаніе не примѣняется за давностью, отъ него отказываются изъ милосердія къ преступнику, отъ него же слѣдовало бы отказываться въ тѣхъ случаяхъ, когда можно предполагать, что примѣненіемъ мѣры охраны можно большаго достигнуть, чѣмъ примѣненіемъ наказанія. Это прежде всего имѣетъ смыслъ въ томъ случаѣ, когда законъ грозитъ за данное незначительное дѣяніе незначительнымъ же наказаніемъ и когда заранее можно предвидѣть, что примѣненіемъ наказанія въ такомъ размѣрѣ нельзя достигнуть должнаго огражденія общества. Примѣнять наказаніе въ большемъ размѣрѣ представляется недопустимымъ съ точки зрѣнія господствующаго въ настоящее время въ уголовномъ правѣ начала «воздающей справедливости», а между тѣмъ можно думать, что продолжительнымъ заключеніемъ съ опредѣленнымъ режимомъ можно достигнуть извѣстнаго перевоспитанія даннаго субъекта. Поэтому государство могло бы отказываться отъ примѣненія наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда при незначительномъ наказаніи должна еще примѣняться сверхъ того продолжительная мѣра охраны. Въ частности это начало слѣдовало бы примѣнять тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о незначительномъ правонарушеніи, учиненномъ привычнымъ алкоголикомъ, признать котораго невмѣняемымъ нѣтъ однако достаточнаго основанія, или же тунеядцемъ или бродягой и т. п. субъектомъ антисоціального характера. И съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ большаго вниманія швейцарскій проектъ, гдѣ примѣненіе мѣры охраны связывается въ извѣстныхъ случаяхъ съ идеей условнаго осужденія. Въ подобной замѣнѣ наказанія мѣрой соціальной защиты нѣтъ ничего удивительнаго и съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства, допускающаго замѣну наказанія мѣрами соціальной защиты въ отношеніи несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

Дальнѣйшій вопросъ, который возникаетъ при анализѣ мѣры соціальной защиты, это—вопросъ о тѣхъ органахъ, которымъ должно быть поручено ихъ примѣненіе. Вопросъ этотъ получаетъ особенное значеніе потому, что мѣры охраны по своему содержанию представляютъ весьма чувствительное вторженіе въ сферу индивидуальной свободы, вслѣдствіе чего и возникаетъ практическій вопросъ о томъ, какъ въ этой области можно согласовать интересы личной свободы съ интересами общественными.

Окружающая насъ жизнь показываетъ намъ, что

примѣненіе тѣхъ или иныхъ мѣръ, направленныхъ на охрану интересовъ общества, поскольку онѣ не выражаются въ наказаніяхъ, предоставляется компетенціи органовъ административныхъ, и это оправдывается прежде всего тѣмъ, что для принятія ихъ требуется извѣстная быстрота и необходимы энергичныя рѣшительныя дѣйствія власти для того, чтобы пресѣчь или предупредить то или иное нежелательное явленіе, борьба съ которымъ съ успѣхомъ для дѣла не можетъ быть отсрочена. И эта борьба можетъ вестись, какъ въ отношеніи тѣхъ или другихъ опасныхъ людей, такъ и въ отношеніи даже проявленія стихійныхъ силъ. Всякій согласится съ тѣмъ, что принятіе мѣръ въ отношеніи буйствующаго сумасшедшаго или алкоголика есть дѣло полиціи, на обязанности которой лежитъ забота о поддержаніи порядка и которая въ интересахъ общежитія должна такихъ людей задерживать, прекращая имъ возможность причинять вредъ окружающимъ. Быть можетъ, въ виду этого слѣдовало бы предоставлять административной власти принятіе мѣръ охраны и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ объ опасности лицъ, учинившихъ преступное дѣяніе и тѣмъ доказавшихъ свою особенную опасность, а не просто опасныхъ вообще? Разсуждая послѣдовательно и имѣя въ виду то, что было раньше уже сказано, мы должны признать, что поскольку рѣчь идетъ лишь о констатированіи опасности, а не виновности лица, самое назначеніе мѣръ охраны можетъ быть предоставлено органамъ полиціи, такъ какъ вопросъ о томъ, чѣмъ обусловлена въ данномъ случаѣ эта опасность, не имѣетъ существеннаго значенія самъ по себѣ. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ особенностей самыхъ условий, вызывающихъ принятіе мѣръ охраны, благодаря которымъ приходится признать, что болѣе подходящими органами назначенія ихъ слѣдуетъ считать органы судебныя, а не полицейскіе. Прежде всего нельзя въ этомъ случаѣ не обратить вниманіе на то, что тѣ обычныя основанія, которыя приводятся въ пользу предоставленія принятія мѣръ безопасности полицейскимъ органамъ—требованіе быстроты дѣйствій и указаніе на опасность въ замедленіи принятія ихъ, здѣсь значенія не имѣютъ, такъ какъ самая процедура установленія опасности лица, учинившаго преступленіе, требуетъ наличности достаточно продолжительнаго времени, въ теченіе котораго должна быть констатирована эта опасность на основаніи данныхъ, выяснившихся во время всесторонняго разсмотрѣнія дѣла. А такъ какъ здѣсь приходится говорить о такихъ мѣрахъ, которыя принимаются только послѣ того, какъ будетъ констатировано учиненіе даннымъ лицомъ преступнаго дѣянія, то исполнѣ компетентнымъ для принятія ихъ можетъ быть признанъ тотъ уголовный судъ, который разсматриваетъ дѣло о данномъ преступленіи. Правда, нѣкоторые писатели противъ этого возражаютъ, указывая на то, что не дѣло уголовного суда опредѣлять въ своемъ приговорѣ что-нибудь иное кромѣ наказанія¹⁾, но этому противорѣчитъ

то, что мы находимъ въ положительномъ правѣ, которое не стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что уголовный судъ долженъ ограничиваться лишь назначеніемъ наказанія. Не говоря о томъ, что уголовный судъ бываетъ призванъ въ извѣстныхъ случаяхъ къ вынесенію приговора и относительно заявленнаго гражданскаго иска, вытекающаго изъ факта учиненія преступленія, мы можемъ указать рядъ случаевъ, когда уголовный судъ въ своемъ приговорѣ назначаетъ помимо наказанія и иного рода мѣры, въ томъ числѣ и мѣры соціальной защиты. Такъ, суду уголовному предоставляется дѣлать постановленіе объ уничтоженіи вещей, добытыхъ преступленіемъ, даже въ томъ случаѣ, когда онъ постановляетъ объ оправданіи подсудимаго, хотя объ уничтоженіи подобныхъ вещей должна заботиться полиція въ порядкѣ охраны общественной безопасности, а не судъ; суду же принадлежитъ право въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлать постановленіе объ опубликованіи приговора въ газетахъ—мѣра эта опять-таки не является наказаніемъ; ему же, наконецъ, принадлежитъ право дѣлать постановленіе о помѣщеніи несовершеннолѣтняго преступника въ исправительное заведеніе. Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія современнаго права не можетъ быть возраженій противъ предоставленія права назначенія мѣръ охраны суду уголовному, разсматривающему дѣло о преступномъ дѣяніи и устанавливающему всѣ послѣдствія, которыя могутъ вытекать изъ факта признанія наличности въ данномъ случаѣ преступнаго дѣянія. И это сосредоточеніе въ однихъ рукахъ права назначенія какъ наказанія, такъ и мѣры охраны, особенно оправдывается соображеніями экономіи затраты силъ при производствѣ уголовныхъ дѣлъ. Вмѣсто того, чтобы предоставлять рѣшеніе вопроса о цѣлесообразности принятія въ данномъ конкретномъ случаѣ мѣры соціальной защиты органамъ администраціи послѣ того, какъ судъ установилъ виновность извѣстнаго лица и опредѣлил, сообразно этому, наказаніе, или же въ силу его невмѣняемости призналъ его не подлежащимъ наказанію, исполнивъ естественно предоставить тому же суду рѣшить вопросъ о томъ, насколько необходимо въ данномъ случаѣ въ виду опасности лица, обнаруженной именно самыми особенностями его дѣянія, примѣненіе къ нему еще мѣры охраны. Суду легче констатировать эту опасность и ея значеніе на основаніи того матеріала, который былъ на его разсмотрѣніи, чѣмъ органамъ администраціи, которые не въ состояніи будутъ выяснять весь данный вопросъ въ той полнотѣ, какъ это могъ сдѣлать судъ. Вмѣсто того, чтобы вторично заставлять органы администраціи продѣлывать то, что уже сдѣлалъ судъ, гораздо цѣлесообразнѣе поручить рѣшеніе этого вопроса во всей его полнотѣ суду. Роль органовъ администраціи здѣсь заключается лишь въ выполненіи того, что будетъ указано судомъ примѣнительно къ отдѣльнымъ лицамъ. Къ тому же, какъ мы ви-

¹⁾ Между прочимъ на этой точкѣ зрѣнія стоитъ

Р. Шмидтъ, не допускающій примѣненія мѣръ охраны со стороны уголовного суда (R. Schmidt. Die Aufgaben der Strafrechtspflege 1895 s. 291).

дѣли, въ извѣстныхъ случаяхъ мѣры охраны вполнѣ цѣлесообразно назначать взаменъ наказанія, но эту функцію представляется не допустимымъ поручать органамъ администраціи. Однако кромѣ этого соображенія практическаго удобства слѣдуетъ привести еще соображенія иного характера, имѣющія болѣе принципиальное значеніе. Въ данномъ случаѣ, какъ указано было выше, рѣчь идетъ о лишеніи свободы, притомъ на сроки въ общемъ продолжительные, но современное правовое государство не можетъ предоставить право лишенія свободы человѣка безъ соблюденія извѣстныхъ гарантій, въ особенности посколькѣ рѣчь идетъ не о временномъ лишеніи свободы впредь до выясненія компетентнымъ судомъ вопроса о виновности, а о лишеніи свободы, имѣющимъ такой же характеръ мѣры окончательной, а не предварительной, какъ и наказаніе. Гарантій же въ этомъ случаѣ является установленіе того общаго положенія, что только судъ можетъ быть уполномоченъ на подобное лишеніе свободы. Это положеніе и нашло себѣ уже признаніе въ отдѣльныхъ законодательствахъ, въ частности въ Англіи, въ отношеніи умалишенныхъ; это же имѣлъ въ виду проектъ закона объ умалишенныхъ, принятый въ 1907 году французской палатой депутатовъ. Но, если примѣненіе подобныхъ мѣръ можетъ быть предоставлено суду въ отношеніи умалишенныхъ, то тѣмъ болѣе есть основанія считатьъ съ индивидуальной свободой тѣхъ лицъ, которыя хотя и представляютъ извѣстную опасность для общества, но являются вмѣняемыми лицами. Ограниченіе ихъ существеннаго блага свободы не можетъ быть сдѣлано помимо участія въ этомъ дѣлѣ суда. Съ этимъ положеніемъ согласно господствующее въ настоящее время среди криминалистовъ мнѣніе, на эту же точку зрѣнія стали и современные кодексы и проекты новыхъ законовъ. Правда, въ литературѣ указывалось на возможность установленія и иного порядка въ частности въ отношеніи лицъ съ такъ называемой вмѣняемостью, но и въ этомъ случаѣ не отрицалась идея суда. Такъ, Листъ указывалъ на необходимость установленія для этихъ лицъ особой процедуры, выполняемой въ видѣ взятія подъ опеку (*Entmündigungsverfahren*)¹⁾, а Эткеръ говорилъ объ особой процедурѣ интернированія²⁾ (*Internierungsverfahren*), но и тотъ и другой не исключали суда какъ органа, компетентнаго для принятія подобныхъ мѣръ. Оба они подчеркивали лишь необходимость особаго процесса при установленіи примѣненія мѣръ охраны.

Поскольку мѣры охраны обусловлены тѣмъ состояніемъ опасности лица, которое проявилось въ фактѣ учиненія преступнаго дѣянія, примѣненіе ихъ имѣетъ смыслъ до тѣхъ поръ, какъ длится самое опасное состояніе. Какъ только приходится признать, что извѣстный субъектъ пересталъ грозить опасностью обществу, дальнѣйшее лишеніе его свободы теряетъ свой смыслъ и становится не допустимымъ. Такимъ образомъ по самой своей природѣ мѣры социальной за-

щиты должны примѣняться впредь до устраненія той опасности, которая вызвала ихъ примѣненіе. И въ этомъ заключается ихъ существенное отличіе отъ наказанія. Последнее по своему существу не связано непременно съ особенностью личности преступника, оно назначается сообразно преступленію и проявленной въ немъ винѣ и по самой своей природѣ предполагаетъ заранѣе опредѣленный срокъ, на который и назначается. Но если приходится установить, что мѣры социальной защиты должны быть назначаемы безъ указанія заранѣе опредѣленнаго срока лишенія свободы, т. е. приговоръ, касающійся ихъ примѣненія, долженъ быть неопредѣленнымъ, то съ другой стороны интересы личной свободы требуютъ, чтобы эта безсрочность не превращалась, насколько возможно, въ пожизненность. Мы уже выше отмѣтили, что режимъ самыхъ мѣръ охраны долженъ быть различенъ въ зависимости отъ того, къ кому примѣняется самая мѣра. Поскольку мы говоримъ о простомъ обезвреженіи, мѣры социальной защиты сообразно особенностямъ тѣхъ лицъ, къ которымъ онѣ примѣняются, должны дѣйствительно продолжаться пожизненно — сюда относятся мѣры въ отношеніи невмѣняемыхъ преступниковъ, не подающихъ надежды на излеченіе. Поскольку же данная мѣра направлена на леченіе или социальное перевоспитаніе путемъ приученія къ труду, она должна имѣть извѣстный предѣлъ во времени, за который она не должна переходить. Такимъ образомъ, для опредѣленныхъ категорій мѣръ охраны долженъ быть указанъ извѣстный максимумъ лишенія свободы съ установленіемъ права досрочнаго условнаго или безусловнаго освобожденія подъ контролемъ суда. Условное освобожденіе должно быть допускаемо въ видѣ общаго правила во всѣхъ случаяхъ принятія мѣръ охраны, безусловное же въ тѣхъ только, когда дальнѣйшее возвращеніе даннаго субъекта въ то мѣсто, изъ котораго онъ освобождается, болѣе не предвидится, напр. при полномъ излеченіи той болѣзни, которая заставила прибѣгнуть къ примѣненію этой мѣры. Контроль суда въ обоихъ случаяхъ представляется желательнымъ по тѣмъ общимъ соображеніямъ, которыя заставляютъ признавать цѣлесообразнымъ предоставленіе суду самаго назначенія мѣръ охраны.

Таковы тѣ общія соображенія, съ которыми необходимо считаться при анализѣ существа мѣръ социальной защиты въ отношеніи опасныхъ преступниковъ и порядка ихъ примѣненія.

Заканчивая свой докладъ, намъ хотѣлось бы обратить особое вниманіе на необходимость болѣе детальнаго изученія этихъ мѣръ, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ въ нашей литературѣ, такъ какъ значеніе ихъ, какъ средствъ борьбы съ преступностью, весьма велико. Игнорировать ихъ нельзя. Онѣ развиваются на нашихъ глазахъ, и имъ несомнѣнно принадлежитъ будущее, какъ это можно судить по движенію уголовного законодательства за послѣдніе годы. Ни одно современное законодательство не можетъ обойтись безъ установленія мѣръ социальной защиты въ большемъ или меньшемъ объемѣ. Конечно, можно полагать, что со временемъ самое наказаніе настолько измѣнится въ своемъ внутреннемъ

¹⁾ Mitteilungen der I. K. V. XI, s. 637.

²⁾ Mitteilungen der I. K. V. XII, s. 58.

содержаніи, что оно освободится отъ идеи возмездія и сольется съ мѣрами соціальной охраны, но мы должны помнить, что съ точки зрѣнія современнаго права эти мѣры не сливаются съ наказаніемъ и представляются имѣющими самостоятельное значеніе. Самое ихъ существованіе наряду съ наказаніемъ особенно подчеркиваетъ то начало компромисса, которое характеризуетъ современное уголовное право, уже извѣрившееся въ старыхъ приемахъ борьбы съ преступностью, но все еще пока не рѣшающее порвать съ установившимися традиціями.

А. Жижиленко.

Товарищества съ ограниченной отвѣтственностью.

(Окончаніе ¹⁾).

Вопросъ, необходимо ли обязать товарищества въ договорѣ установить обязанность дополнительныхъ взносовъ, надо ли предоставить и кредиторамъ право требовать внесенія таковыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда основнаго капитала не хватаетъ для покрытія долговъ общества, это вопросы, при разрѣшеніи которыхъ необходимо исходить не изъ какого либо заранее теоретически выведеннаго рѣшенія, но собразоваться какъ съ навыками, такъ и общимъ характеромъ дѣловаго оборота. Чѣмъ оборотъ этотъ болѣе вышкolenъ, чѣмъ выше элементъ дѣловой добросовѣстности, не находящейся даже въ непосредственной зависимости отъ общаго этического уровня, но въ значительной мѣрѣ зависящей отъ сложившейся привычки, именно въ силу правильно понимаемаго эгоистическаго интереса, тѣмъ меньше необходимости въ установленіи дополнительныхъ взносовъ. Намъ представлялось бы поэтому рискованнымъ перенесеніе въ Россію цѣликомъ этого института товариществъ съ ограниченной отвѣтственностью. Мы видѣли выше, что и въ Германіи процессъ насажденія этой новой формы далеко не безболѣзненный. У насъ принципъ отвѣтственности за свои дѣйствія въ области дѣловаго оборота, какъ кажется, еще не пустилъ достаточно глубокихъ корней. Мы полагаемъ даже, что скоро и самимъ участникамъ такого рода организацій въ Россіи пришлось бы убѣдиться въ опасностяхъ, связанныхъ съ этими товариществами: они были бы совершенно лишены кредита, такъ какъ въ условіяхъ нашего оборота товарищества эти, вѣроятно, рассматривались бы только какъ организаціи, преслѣдующія цѣль не платить своимъ кредиторамъ.

Въ Германіи и Австріи эти соображенія не смущали законодателя. Но, понятно, задача законодателя не могла сводиться только къ облегченію отвѣтственности предпринимателей. Поэтому это новшество въ

вопросахъ отвѣтственности участниковъ въ такого рода предпріятіяхъ могло оказаться удачнымъ лишь въ зависимости отъ того, какъ разрѣшены законодателемъ вопросы внутренней организаціи этихъ товариществъ.

Задача эта чрезвычайно трудная. Когда имѣются совершенно опредѣленные отношенія, не трудно найти соответствующую юридическую для нихъ форму. Когда отношенія отличаются чрезвычайной эластичностью, созданіе соответствующей формы дѣло чрезвычайной трудности.

Законодатель имѣетъ въ своемъ распоряженіи два способа нормированія товарищескихъ организацій. Или въ основу организаціи кладется личный элементъ, который закрѣпляется за даннымъ предпріятіемъ, такъ что вступленіе новаго члена и выходъ становится весьма затруднительнымъ, да и самый выходъ еще не освобождаетъ отъ тѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на участникѣ предпріятія. Въ такомъ случаѣ всѣ подробности внутреннихъ отношеній предоставляются въ значительной мѣрѣ усмотрѣнію участниковъ. Законодатель довольствуется тѣмъ, что личность участника тѣсно связана съ предпріятіемъ. Въ этомъ личномъ элементѣ кредиторы и контрагенты предпріятія и должны искать гарантій исполненія товариществами своихъ обязательствъ. Именно потому нормально въ этихъ случаяхъ на участниковъ этихъ товариществъ падаетъ вся тяжесть отвѣтственности по обязательствамъ товарищества. На этомъ и основано различеніе товариществъ, признаваемыхъ юридическими лицами, и товариществъ, сохраняющихъ строго индивидуалистическій характеръ. Типъ товарищества, признаваемого юридическимъ лицомъ, мы будемъ имѣть, когда пред нами способъ товарищескаго соединенія съ чрезвычайно слабой связью участника съ предпріятіемъ, создающей возможность легкой перемѣны въ составѣ участниковъ, отвѣтственныхъ въ предѣлахъ, заранее точно указанныхъ. Въ этихъ случаяхъ все предпріятіе поκειται на опредѣленности и твердости его организаціи. По этимъ двумъ типамъ регулируются всюду въ законахъ полныя товарищества, съ одной стороны, акціонерныя компаніи, съ другой.

И такъ какъ товарищества съ ограниченной отвѣтственностью являются организаціей, средней между этими двумя типичными формами, то и способъ ихъ законодательнаго нормированія долженъ носить на себѣ печать обоихъ этихъ способовъ нормировки, съ возможностью большаго или меньшаго приближенія въ ту или другую сторону.

Освободивъ товарищей отъ неограниченной отвѣтственности, смягчивъ это освобожденіе возможностью установленія обязательныхъ дополнительныхъ взносовъ, законодатель, очевидно, исходилъ отъ формы полнаго товарищества, направляясь въ сторону акціонерной компаніи. Поэтому въ основу постановленій закона положено представленіе о болѣе прочной связи предпріятія съ его участниками, нежели это имѣетъ мѣсто въ акціонерныхъ компаніяхъ.

Такъ какъ предпріятія эти являются капиталистическими и ихъ основной капиталъ не можетъ быть по произволу уменьшаемъ, то отсюда неизбежна не-

¹⁾ См. „Право“ № 36.

необходимость допустить возможность продажи долей участия, какъ замѣну права выхода изъ товарищества путемъ обратнаго полученія своего вклада. Въ своемъ комментаріи Нейманъ¹⁾ обращаетъ вниманіе на сходство постановленій по этому вопросу закона объ акціонерныхъ компаніяхъ съ закономъ о товариществахъ на вѣрѣ. Было бы, однако, правильнѣе обратить вниманіе на чрезвычайное различіе этихъ постановленій, несмотря на то, что принципъ допустимости продажи долей участия и здѣсь и тамъ долженъ быть въ полной мѣрѣ признаваемъ.

Отчужденіе доли участия въ товариществѣ должно обязательно совершаться въ письменной формѣ, притомъ по германскому праву нотаріальной или судебной²⁾, по австрійскому—нотаріальной формѣ³⁾.

Далѣе законъ предоставляетъ устанавливать въ договорѣ и другія требованія, безъ соблюденія которыхъ недействительна продажа доли участия въ предпріятіи. И раньше всего требованія согласія товарищества. Въ этомъ отношеніи австрійскій законъ содержитъ чрезвычайно любопытное новшество. Въ то время какъ согласно германскому праву, что безусловно признается комментаторами⁴⁾, изъясненіе согласія на отчужденіе доли участия зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія товарищества и можетъ быть отклонено безъ указанія какихъ-либо мотивовъ, австрійскій законъ предоставляетъ суду рѣшеніе вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ отказъ въ разрѣшеніи продать долю участия является правильнымъ, такъ что рѣшеніе суда можетъ замѣнить разрѣшеніе товарищества.

Это новшество австрійскаго закона, которое необходимо отмѣтить уже въ виду его оригинальности, едва ли возможно признать дѣлесообразнымъ. Мы не будемъ даже останавливаться на томъ обстоятельстве, что такого рода правомочія суда уклоняются его дѣятельность далеко въ сторону отъ тѣхъ вопросовъ, которые представляются естественной его областью. Не останавливаемся на этомъ потому, что и вообще многія постановленія этого австрійскаго закона предоставляютъ суду полномочія, которыя выходятъ за предѣлы вопросовъ правовыхъ, являясь сферой вопросовъ по преимуществу дѣлесообразности. Недостатокъ этого постановленія заключается раньше всего въ томъ, что оно находится въ извѣстномъ противорѣчій съ самой идеей данной формы товарищеской организаціи, такъ какъ главное значеніе требованія разрѣшенія товарищества на отчужденіе доли участия въ немъ въ томъ и заключается, что законъ признаетъ это товарищество такой формой соединенія, въ которой личность участниковъ не безразлична, какъ это, въ видѣ общаго правила, признается относительно акціонерныхъ компаній. Эту основную точку зрѣнія австрійскій законъ въ общемъ подчеркиваетъ даже съ большей точностью, нежели германскій, отмѣчая прямо, что доли участия не могутъ быть на предъявителя⁵⁾, что не могутъ быть выдаваемы дивидендные купоны, безъ предъявленія которыхъ невоз-

можна выдача годовой прибыли распределяемой между участниками¹⁾.

Признаніе товариществъ соединеніемъ не только капиталовъ, но и лицъ, характерно проявляется и въ постановленіи, въ силу котораго распределеніе дивиденда пропорціонально долямъ участия въ товарищескомъ капиталѣ предполагается, но договору представляется и иной способъ его распределенія²⁾.

Эта мысль красной нитью проходитъ черезъ всѣ постановленія, регулируюція вопросы внутренняго управленія. Именно потому законъ не навязываетъ никакой опредѣленной организаціи этимъ товарищескимъ соединеніямъ.

Какъ далеко идетъ законодатель въ своей презумпціи индивидуалистическаго характера товарищества съ ограниченной отвѣтственностью, видно изъ того, что, согласно германскому праву, въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется нѣсколько товарищей распорядителей, одинъ лишентъ права предпринимать дѣйствія, относящіяся до дѣятельности предпріятія безъ согласія остальныхъ, хотя бы вслѣдствіе послѣдовавшаго отъ того промедленія товарищество и потерпѣло серьезный ущербъ³⁾. И только австрійскій законъ допускаетъ въ этомъ случаѣ отступленіе отъ общаго правила, разрѣшая и единоличныя дѣйствія⁴⁾.

Та же точка зрѣнія возможности организаціи товарищества съ ограниченной отвѣтственностью по типу полнаго товарищества проявляется и въ постановленіяхъ германскаго и австрійскаго законовъ.

Мы тутъ имѣемъ не столько органъ управленія, сколько проявленіе непосредственныхъ «хозяйскихъ» правъ товарищей, въ силу которыхъ товарищескій договоръ можетъ разъ навсегда установить, кому ввѣряется управленіе дѣлами товарищества, причемъ въ договорѣ можетъ быть оговорено, что устраненіе такого лица отъ веденія дѣлъ можетъ послѣдовать только къ силу серьезныхъ соображеній, такъ при грубомъ нарушеніи своихъ обязанностей или при неспособности къ правильному веденію дѣлъ⁵⁾. Такимъ образомъ, выборный моментъ можетъ быть совершенно устраненъ въ вопросахъ организаціи товариществъ съ ограниченной отвѣтственностью.

Основная идея закона—необходимость выступленія всѣхъ товарищей въ тѣхъ случаяхъ, когда совершается актъ, налагающій на товарищества какія-либо обязательства, поскольку договоръ не постановляетъ иное, какъ бы подчеркивается въ томъ отступленіи, которое имъ допускается. Именно, когда необходимо сообщить товариществу заявленіе, то для того, чтобы заявленіе это считалось надлежащимъ образомъ сдѣланнымъ, достаточно, чтобы заявленіе было сдѣлано кому-либо, кто управомоченъ подписываться, хотя бы и кѣмъ-либо другимъ отъ имени товарищества⁶⁾.

¹⁾ Ges. 1906, § 75. Abs. 4. Иного мнѣнія относительно германскаго права его комментаторы, напр., Staub., стр. 104.

²⁾ Герм. зак. § 29, Abs., Австр. § 82, Abs. 2.

³⁾ Staub D. Reichsgesetz, стр. 208.

⁴⁾ § 21 Abs. 1.

⁵⁾ Герм. зак., § 38. Ср. Staub., стр. 214. Австрійск. зак., § 15 Abs. 1 и 2.

⁶⁾ Тѣ же §§.

¹⁾ D. Reichsgesetz, стр. 54.

²⁾ Ges. 1892, § 15. Abs. 3.

³⁾ Ges. 1906, § 76. Abs. 2.

⁴⁾ Ср., напр., Staub., стр. 116.

⁵⁾ Ges. 1906, § 75, Abs. 3.

Любопытно отметить одну особенность австрийского закона; онъ предусматриваетъ возможность установления въ самомъ договорѣ, что распорядители назначаются государствомъ или какой-либо корпораціей публичнаго права ¹⁾

Законъ знаетъ еще и собранія товарищей, но эти собранія, строго говоря, не являются органомъ управления.

Большинство опредѣляется при этомъ размѣромъ капитала, принадлежащаго участникамъ, въ чемъ опять-таки проявляется взглядъ на эту форму, какъ капиталистическое товарищество. Рѣшеніе можетъ быть принято и безъ собранія, посредственнымъ письменнаго сообщенія мѣня ²⁾. Замѣна собранія письменными сообщениями не допускается лишь при рѣшеніи вопроса объ измѣненіи товарищескаго договора ³⁾.

Какъ и подобаетъ «хозяевамъ» предпріятія, они имѣютъ рѣшающее значеніе во всѣхъ вопросахъ, которые договоромъ не отнесены въ сферу компетенціи какого-либо другого органа.

Такимъ образомъ, въ комбинаціи управляющихъ товарищей, которыми презумируются всѣ товарищи и совокупности товарищей, какъ высшаго органа управления, почти безъ обязательнаго, въ законѣ установленнаго, распределенія между ними функций, зависящаго почти исключительно отъ договора, заключается чрезвычайно остроумный способъ разрѣшенія трудной проблемы созданія организаціи въ достаточной мѣрѣ эластичной для того, чтобы товарищи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могли, оставаясь въ рамкахъ закона, выбирать ту именно форму, которая наиболѣе соответствуетъ особенностямъ комбинаціи трудового и капиталистическаго элементовъ, согласно условіямъ ихъ товарищескаго договора.

Необходимо при этомъ отметить одно любопытное постановленіе спеціально австрийского закона, которое заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ сколько ему удѣлено до настоящаго времени. Какъ по германскому, такъ и по австрийскому праву образованіе другихъ органовъ предоставлено вполне усмотрѣнію товарищескаго договора. Такимъ образомъ, и вопросъ объ органахъ надзора въ лицѣ совѣтовъ точно также зависитъ отъ того же товарищескаго договора ⁴⁾.

Это вполне логическій выводъ изъ всей постановки дѣла внутренняго управления. Однако, австрийскій законъ предпочитаетъ быть въ этомъ вопросѣ нелогичнымъ. Именно, для товариществъ съ основнымъ капиталомъ, превышающимъ 1.000.000 кронъ и съ числомъ участниковъ болѣе 50, обязательны выборъ совѣта, причемъ какъ способъ выбора, такъ и функціи этого совѣта опредѣляются обязательнымъ образомъ самимъ закономъ, что, конечно, неизбежно по отношенію къ органу, обязательному для товарищества.

Намъ представляется это постановленіе совершенно цѣлесообразнымъ. Независимый органъ контроля безусловно полезенъ въ предпріятіи, въ которомъ между

интересами управляющихъ дѣломъ и самого дѣла можетъ быть большое различіе. Тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ предпріятіемъ незначительнымъ, не выдерживающимъ крупныхъ организаціонныхъ расходовъ, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ число участниковъ незначительно и гдѣ, слѣдовательно, близость ихъ къ предпріятію предполагается вполне основательно, весьма значительной, тамъ можно, безъ особаго вреда для дѣла, и не настаивать на особомъ и постоянномъ органѣ контроля. Но тамъ, гдѣ капиталъ значителенъ, расходъ на такой органъ не можетъ быть для предпріятія тяжелъ. Съ другой стороны, гдѣ число участниковъ настолько велико, что естественно теряется сходство съ полнымъ товариществомъ, а таково положеніе при количествѣ участниковъ болѣе 50, тамъ близость отдѣльныхъ участниковъ къ предпріятію не можетъ быть настолько велика, чтобы она исключала и противоположность интересовъ, отдѣльныхъ группъ и необходимость организаціи контроля.

Быть можетъ это постановленіе австрийского закона, продиктованное опытомъ товарищества съ ограниченной отвѣтственностью въ Германіи, должно бы было быть положено въ основу дальнейшей модификаціи законодательства объ этихъ товариществахъ. Тѣ мотивы, которые вполне оправдываютъ обязательность органа контроля въ товариществахъ съ ограниченной отвѣтственностью при капиталѣ болѣе 1.000.000 кр. и количествѣ участниковъ болѣе 50, представляются совершенно достаточными и для того, чтобы подвергнуть такого рода товарищества и дальнейшей, болѣе детальной, нормировкѣ по аналогіи съ акціонерными компаніями. Можно даже поставить вопросъ, не слѣдуетъ ли ихъ вообще подчинить акціонерному законодательству, создавъ для нихъ облегченную возможность увеличенія и уменьшенія капитала.

Это новшество австрийского закона представляется намъ болѣе цѣлесообразнымъ, нежели другое его же нововведеніе по сравненію съ германскимъ закономъ, заключающееся въ томъ, что меньшинству предоставляется право просить судъ о назначеніи ревизіонной комиссіи для повѣрки правильности составленія годового отчета. Правда, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы устранить возможность злоупотребленія, по крайней мѣрѣ безнаказаннаго, такимъ правомъ обращенія къ судебной поддержкѣ. Назначеніе ревизіи зависитъ отъ усмотрѣнія суда, который долженъ предварительно выслушать и другую сторону, представителей того большинства, дѣйствія котораго этой ревизіей провѣряются. Далѣе отъ суда зависитъ потребовать отъ меньшинства обезпеченія тѣхъ убытковъ, которые могутъ оказаться нанесенными обществу безъ достаточныхъ къ тому оснований назначенной ревизіей. Но, даже и при наличности такого рода гарантій, которыя обыкновенно удерживаютъ отъ предъявленія требованій людей дѣйствительно добросовѣстныхъ и нисколько не пугаютъ шантажистовъ, такое право обращенія къ суду является, съ одной стороны, весьма опаснымъ, а съ другой и мало полезнымъ, такъ какъ трудно ждать отъ суда компетентной оцѣнки баланса. Казалось бы,

¹⁾ § 15, Abs. 3.

²⁾ Герм. зак. § 48. Австр. зак. § 34.

³⁾ Staub, стр. 315. Neukamp, стр. 227.

⁴⁾ Герм. зак. § 52.

гораздо болѣе правильно, какъ это установлено Высочайше утвержденными нашими правилами относительно общихъ собраній акціонерныхъ компаній, предоставить меньшинству право выбора своего представителя въ органъ надзора. Не слѣдуетъ чрезмѣрно увлекаться идеей суду предоставлять охранять интересы меньшинства въ товарищескихъ организаціяхъ.

Не останавливаясь специально на вопросѣ о прекращеніи этого рода товариществъ, не представляющаго достойныхъ вниманія особенностей¹⁾, считаемъ однако, интереснымъ отмѣтить одно постановленіе германскаго закона, сознательно не воспринятое закономъ австрійскимъ. Мы говоримъ о § 61-мъ, согласно которому судъ можетъ постановить о прекращеніи договора товарищества съ ограниченной отвѣтственностью по иску, предъявленному товарищами, обладающими въ совокупности по крайней мѣрѣ десятой частью основнаго капитала, если судъ признаетъ, что имѣются въ наличности важныя основанія для такого прекращенія. Останавливаясь на выясненіи этого довольно неопредѣленнаго понятія «достаточно важныхъ основаній», германскій судъ истолковалъ эти слова въ томъ смыслѣ, что, по мнѣнію суда, основанія эти должны быть достаточны для того, чтобы добросовѣстное большинство постановило прекратить дѣятельность товарищества²⁾. Можно согласиться, что въ такомъ толкованіи слова эти пріобрѣтаютъ достаточно ясный смыслъ, но все же постановленіе это открываетъ широкій просторъ для судейскаго усмотрѣнія, вводя судъ въ кругъ вопросовъ, вообще ему чуждыхъ, такъ какъ рѣшеніе вопроса зависитъ при такой постановкѣ уже не отъ того или другого взгляда на вопросы права, а отъ того или иного пониманія вопросовъ хозяйственныхъ. Едва ли такую постановку вопроса можно признать цѣлесообразной. Мы не отрицаемъ возможности извѣстныхъ практически-выгодныхъ послѣдствій при наличности у суда такого права расторгненія товарищескаго договора. Но едва ли слѣдуетъ увлекаться этими узко утилитарными соображеніями. Не слѣдуетъ забывать, что совершенно такія же утилитарныя соображенія могутъ говорить и въ пользу предоставленія суду права расторгненія всякаго рода договорныхъ отношеній при наличности достаточно уважительныхъ, хотя и не предусмотрѣнныхъ ни договоромъ, ни закономъ, основаній для прекращенія договорныхъ отношеній. И мы не видимъ серьезныхъ основаній для предоставленія суду такого права именно по отношенію договора товарищества съ ограниченной отвѣтственностью. Необходимо, однако, при этомъ отмѣтить, что германскому законодателю было тѣмъ легче ввести въ законъ о товариществахъ съ ограниченной отвѣтственностью это постановленіе о расторгненіи договора по постановленію суда, что оно является лишь заимствованіемъ изъ постановленій о полныхъ товариществахъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ, по нашему мнѣнію, далеко не безспорный вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ и тамъ оно представляется цѣлесообразнымъ. Во всякомъ случаѣ для его рас-

пространенія на товарищества съ ограниченной отвѣтственностью не было достаточно основаній. Здѣсь участники въ самомъ договорѣ могутъ установить такую сравнительно легкую возможность выхода изъ товарищества помощью отчужденія своей доли участія, что предоставлять суду право входить въ разсмотрѣніе порой чисто хозяйственныхъ вопросовъ о томъ, въ такой ли, напримѣръ, мѣрѣ конъюнктура даннаго предпріятія измѣнилась сравнительно съ временемъ его возникновенія, что его прекращеніе представляется цѣлесообразнымъ, нѣтъ достаточныхъ основаній. Намъ кажется далѣе, что самый способъ осуществленія товарищами этого права требовать отъ суда прекращенія договора, свидѣтельствуетъ о принципиальности рѣшенія, принятаго по этому вопросу германскимъ закономъ. Это право конструировано какъ право меньшинства участниковъ. Именно съ такимъ требованіемъ могутъ обратиться въ судъ лишь товарищи, которымъ въ совокупности принадлежатъ не менѣе одной десятой части основнаго капитала товарищества. Казалось бы, если обстоятельства сложились такимъ образомъ, что нѣтъ возможности продолжать товарищескія отношенія, такъ что добросовѣстные товарищи должны бы были и сами ихъ прекратить, то право требовать соответствующее постановленіе суда можно бы предоставить и каждому отдѣльному товарищу. Если же необходимо извѣстное меньшинство товарищей, то тутъ, очевидно, рѣчь идетъ уже не о правѣ, а только о сравнительной выгоды прекращенія или продолженія товарищескихъ отношеній.

А. Каминка.

Защита и обвиненіе по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ.

(Окончаніе¹⁾).

III. До сихъ поръ мы говорили о защитѣ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ; что же касается обвиненія по этого рода дѣламъ, то здѣсь уместно сдѣлать одно изъятіе изъ общаго порядка для того, чтобы не оставались безнаказанными посягательства на политическія права народа. Преслѣдованіе отвоящихся къ этой области дѣяній далеко не всегда въ интересахъ высшей власти, которая нерѣдко сама бываетъ прикосновенна къ ихъ совершенію. Поэтому представляется желательнымъ, чтобы по отношенію къ преступленіямъ, состоящимъ въ посягательствахъ на политическія права народа, было допущено *actio popularis*, т. е. чтобы каждый гражданинъ *civis ex populo*—могъ возбудить и поддерживать уголовное обвиненіе противъ лица, виновнаго въ такомъ посягательствѣ.

Руд. Гнейстъ въ своихъ «Четырехъ вопросахъ» называетъ *actio popularis* «главною основою гражданской свободы», которая въ Англіи «привела къ правовой отвѣтственности министровъ и до сихъ

¹⁾ Lehmann, Lehrbuch, стр. 474.

²⁾ Neukamp, D. Reichsgesetz, стр. 279.

¹⁾ См. „Право“ № 36.

поръ сохраняетъ значеніе важнѣйшаго звена въ цѣпи конституціонныхъ гарантій»¹⁾. Если существуютъ весьма серьезныя возраженія противъ распространенія *actio popularis* на всю область преступныхъ дѣяній, то, въ примѣненіи къ посягательствамъ на политическія права народа, всѣ они ослабляются указаніемъ на ту опасность, которая угрожаетъ гражданской свободѣ, когда ей безнаказанно наносятся удары при болѣе или менѣе откровенномъ попустительствѣ со стороны обвинительной власти.

Отстаиваемая здѣсь идея нашла себѣ хотя и не въ полной мѣрѣ осуществленіе въ ст. 123 французскаго закона 15-го марта 1849 г., который позволяетъ каждому гражданину, принадлежащему къ числу избирателей, жаловаться на преступленіе, совершенное въ связи съ выборами, хотя бы оно и не затрагивало его личныхъ интересовъ²⁾. Изъ этого права жалобы, которое само по себѣ есть не болѣе, какъ актъ, предшествующій уголовному преслѣдованію, судебная практика вывела право «приводить въ движеніе уголовный искъ» (*mettre en mouvement l'action publique*). Другими словами, подавшій жалобу избиратель, не понесшій непосредственно никакого ущерба въ своихъ правахъ, приравнивается французскою судебною практикою по его положенію въ процессѣ къ гражданскому иску (*partie civile*)³⁾, на ряду съ которымъ прокуратура, однако, остается органомъ публичнаго обвиненія.

Болѣе рѣшительный шагъ сдѣланъ испанскимъ закономъ 26 февраля 1890 г., который предоставляетъ каждому изъ избирателей право публичнаго обвиненія лицъ, виновныхъ въ совершеніи «избирательныхъ преступленій»⁴⁾.

Высказанныя до сихъ поръ мною пожеланія касаются постановки обвиненія и защиты по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ *de lege ferenda*. Какъ ни кажутся мнѣ намѣченныя мною измѣненія въ нашемъ процессуальномъ законодательствѣ существенными и важными, я долженъ признать, что еще болѣе существеннымъ и настоятельно необходимымъ представляется измѣненіе направленія нашей судебной практики, устраненіе изъ нея того далекаго отъ безпристрастія отношенія представителей магистратуры къ представителямъ обвиненія и защиты по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, примѣры котораго въ большемъ числѣ можно почерпнуть изъ текущей судебной хроники. Подсудимые и ихъ защитники въ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ слишкомъ часто имѣютъ поводъ жаловаться на нарушеніе ст. 612 у. у. с., которая «съ благородною справедливостію»; по выраженію Кони, обя-

зываетъ предсѣдателя суда «предоставлять каждому подсудимому всевозможныя средства къ оправданію», и ст. 630, которая стремится обезпечить обвинителю съ одной стороны и подсудимому и его защитнику съ другой «одинаковыя права въ судебномъ состязаніи». Текущая практика представляетъ собой настоящій рогуъ изобилія примѣровъ, иллюстрирующихъ это замѣчаніе: въ дѣлахъ, несомнѣнно созданныхъ усиліями агентовъ-провокаторовъ, защитѣ запрещается выяснять участіе послѣднихъ (такъ, въ недавно разсматривавшемся въ Москвѣ дѣлѣ московской организаціи социалистовъ-революционеровъ защитѣ не разрѣшалось выяснять роль настоящей вдохновительницы организаціи, извѣстной своею провокаціонною дѣятельностію Жученко-Генгроссъ, хотя эта роль была отмѣчена даже въ обвинительномъ актѣ); въ процессахъ о сопротивленіи властямъ или вооруженномъ возстаніи защита энергично останавливается при первыхъ же попыткахъ выяснить, не было ли возстаніе или сопротивленіе вызвано дѣйствіями самой администраціи или призванной ею вооруженной силы (такъ было въ процессѣ о московскомъ вооруженномъ возстаніи въ Прѣснѣ, въ разбиравшемся въ кievской судебной палатѣ дѣлѣ Макеенко и другихъ крестьянъ мѣстечка Бакланы, оказавшихъ сопротивленіе стражникамъ¹⁾), въ разбиравшемся въ московской судебной палатѣ такъ назыв. дѣлѣ 30-й казармы и во мн. другихъ); тамъ, гдѣ прокуратурѣ разрѣшается давать общую характеристику политическихъ и общественныхъ условий, подготовившихъ почву для преступленій, защитѣ воспрещается дать свое освѣщеніе тѣхъ же условий (см., напр., дѣло о гурійской республикѣ въ одесской судебной палатѣ) и т. д. и т. д.

Чтобы заключить серію примѣровъ нарушенія, въ ущербъ подсудимому, ст.ст. 612 и 630 у. у. с., — число ихъ можно было бы умножить почти *ad libitum* — я отмѣчу лишь у всѣхъ, конечно, сохранившееся въ памяти вопіющее поправленіе правъ подсудимаго, допущенное въ извѣстномъ процессѣ Лопухина, въ которомъ подсудимый, по выраженію В. Д. Набокова, былъ пойманъ въ ловушку тѣмъ, что когда передъ окончаніемъ судебного слѣдствія подсудимый хотѣлъ сообщить рядъ фактовъ въ объясненіе представленныхъ противъ него доказательствъ, онъ былъ остановленъ подъ тѣмъ предлогомъ, что свои объясненія онъ можетъ представить въ послѣднемъ словѣ, когда же онъ началъ давать эти объясненія въ послѣднемъ словѣ, онъ былъ вновь остановленъ на томъ основаніи, что онъ можетъ говорить лишь о томъ, что было предметомъ судебного слѣдствія²⁾.

Предпочтеніе, отдаваемое судомъ интересамъ обвиненія передъ интересами защиты, проявляется и въ той легкости, съ которою допускаются всякаго рода

¹⁾ R. Gneist, Vier Fragen zur Deutschen Strafprozessordnung, Berlin, 1874, S. 38.

²⁾ R. Garraud, Traité théorique et pratique d'instruction criminelle et de procédure pénale, 1907, p. 171.

³⁾ Въ то время какъ простая жалоба отнюдь не имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ возбужденіе уголовного преслѣдованія, гражданскій искъ, предъявленный въ уголовномъ судѣ, неизбѣжно приводитъ въ движеніе и уголовный искъ. Garraud, op. cit., t. I, pp. 338—339.

⁴⁾ Ibid., p. 171.

¹⁾ Лишь почти случайно въ этомъ дѣлѣ защитѣ удалось добиться оглашенія среди другихъ документовъ телеграммы пристава губернатору; въ мѣстечкѣ Бакланы стражники устроили пьяные безпорядки.

²⁾ См. Набоковъ. Процессъ Лопухина, въ „Правѣ“, 1909 г. № 10, стр. 1192.

обвинительныя доказательства, какъ бы мало они ни были допустимы по духу и буквѣ процессуальныхъ законовъ.

Такъ, нерѣдко въ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ свидѣтели—агенты политическаго сыска сообщаютъ суду о своихъ «агентурныхъ свѣдѣніяхъ», и защитѣ возбраняется, подъ предлогомъ профессиональной тайны, выяснять происхождение этихъ свѣдѣній, хотя очевидно, что безъ такого выясненія они представляются «слухами, неизвѣстно отъ кого исходящими» (ст. 718 у. у. с.); мало того, случилось, что въ процессахъ, въ которыхъ подсудимому вменялось въ вину составленіе, распространеніе или храненіе произведенія противоправительственнаго содержанія, при отсутствіи въ дѣлѣ самаго произведенія, судебныя палаты удовлетворялись справкою о его содержаніи изъ охраннаго отдѣленія.

Къ той же категоріи примѣровъ неразборчиваго допущенія обвинительныхъ доказательствъ относится допущеніе допроса жандармскаго офицера, производившаго формальное дознаніе въ подтвержденіе показаній, данныхъ подсудимымъ при дознаніи. Особо выдѣляя этотъ примѣръ изъ числа многихъ другихъ, быть можетъ, болѣе яркихъ, я считаю нужнымъ остановиться на немъ въ виду того, что указанный въ немъ приемъ доказыванія вины подсудимаго санкціонированъ авторитетомъ уголовного кассационнаго департамента сената, признававшего его допустимымъ въ рѣшеніи 1908 г. за № 2 по дѣлу Острякова.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что допросъ лица, производившаго формальное дознаніе, въ подтвержденіе показанія, даннаго при дознаніи подсудимымъ, противорѣчитъ и закону, и прежней сенатской практикѣ. Дознаніе, произведенное офицерами корпуса жандармовъ, несравненно ближе по своему характеру и по своему значенію къ предварительному слѣдствію, чѣмъ къ дознанію, производимому полиціей по общимъ преступленіямъ. Въ то время, какъ при дознаніи по общимъ преступленіямъ полиція лишь по исключенію выполняетъ слѣдственные дѣйствія, при дознаніи по государственнымъ преступленіямъ органы дознанія пользуются широкими полномочіями судебныхъ слѣдователей по принятію мѣръ пресѣченія, по совершенію осмотровъ, обысковъ и вымоковъ и, наконецъ, по снятію формальныхъ предварительныхъ допросовъ. Изъ этой слишкомъ близкой аналогіи между дознаніемъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, казалось бы, вытекаетъ, что и акты формальнаго дознанія при рѣшеніи вопроса о возможности воспроизведенія ихъ на судѣ, должны быть приравняемы къ актамъ предварительнаго слѣдствія¹⁾. Законъ въ ст. ст. 626—627 у. у. с. точно указываетъ, въ какихъ случаяхъ допускается прочтеніе записанныхъ слѣдователемъ показаній; согласно названнымъ статьямъ прочтенію во всякомъ случаѣ подлежатъ только показанія свидѣтелей, а не подсудимаго; сенатъ съ своей сто-

роны въ цѣломъ рядѣ рѣшеній (74/668; 73/124; 69/983; 98/7), стремясь предупредить обходъ статей 625—627 путемъ воспроизведенія показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, черезъ допросъ слѣдователя, истолковалъ, что хотя допросъ судебного слѣдователя въ качествѣ свидѣтеля не составляетъ ничего противнаго закону, но что «слѣдователь не въ правѣ излагать содержанія такихъ протоколовъ, которые не могутъ быть прочтаны на судѣ», и къ числу которыхъ относится протоколъ показанія подсудимаго.

Измѣнивъ въ рѣшеніи по дѣлу Острякова свой прежній взглядъ и признавъ законнымъ допросъ, въ цѣляхъ уличенія подсудимаго, жандармскаго офицера, производившаго формальное дознаніе, сенатъ сдѣлалъ шагъ назадъ къ инквизиціонному процессу, ибо безспорно, что духу состязательнаго процесса, въ которомъ обвиняемый является стороною, противорѣчатъ какія бы то ни были мѣры вынужденія у подсудимаго сознанія¹⁾, а между тѣмъ именно такую инквизиціонную мѣру вынужденія «царицею доказательствъ» является очная ставка подсудимаго съ судебнымъ слѣдователемъ, а тѣмъ болѣе съ жандармскимъ офицеромъ, допрашивавшимъ его въ той запугивающей своей таинственностью обстановкѣ, въ которой производятся дознанія по политическимъ дѣламъ.

Наряду съ приведеннымъ процессуальнымъ нарушеніемъ, допускаемымъ въ процессахъ о государственныхъ преступленіяхъ, сколько такихъ, которыя составляютъ повседневное явленіе и которыя, въ случаѣ ихъ обжалованія, санкціонируются въ своего рода «суммарномъ порядкѣ» однимъ изъ отдѣленій уголовного кассационнаго департамента.

Въ конечномъ счетѣ все эти процессуальныя нарушенія сводятся къ нарушенію предъявляемаго законодателями къ суду требованія безпристрастнаго отношенія къ интересамъ обвиненія и защиты. Осуществленіе этого требованія предполагаетъ оздоровленіе всего нашего судебного быта. Последнее въ свою очередь немислимо до тѣхъ поръ, пока суду не будетъ отведено подобающаго мѣста въ системѣ государственныхъ учреждений, пока магистратура не будетъ эмансипирована отъ властной опеки высшей администраціи, пока каждый изъ судей на обращенный къ нему упрекъ въ угодливости передъ правительствомъ не будетъ въ правѣ отвѣтить, подобно ирландскому судѣ Моррису: «правительство можетъ скорѣе сдвинуть базальтовые утесы Дороги Галатовъ, чѣмъ меня съ моего судейскаго кресла»²⁾.

И я думаю, мм. гг., что если мы завершимъ работы сѣзда принятіемъ резолюціи съ выраженіемъ нашего горячаго пожеланія, чтобы въ дѣлѣ правосудія была положена, наконецъ, грань между правомъ и политикою, чтобы дѣятельность судовъ стала свободной отъ исходящихъ извнѣ политическихъ вліяній, мы не только выразимъ тоску о правосудіи большинства общества, но и затронемъ живыя

¹⁾ Ср. А. Рапопортъ, Уголовная практика сената за 1908 г., въ «Вѣстникѣ Права и нотаріата», 1910 г. № 1, стр. 7.

¹⁾ И. Я. Фойницкій, курсъ уголовного судопроизводства, спб. 1910 г., стр. 327.

²⁾ І. Михайловскій, Основные принципы организациі уголовного суда, 1905 г., стр. 109.

струны въ душахъ того—хочется вѣрить—также большинства судебныхъ дѣятелей, для которыхъ не превратились въ «звенящую мѣдь» слова сената, сказанныя имъ въ рѣшеніи по дѣлу Дорна (1892 г. № 10): «нынѣ, какъ и всегда, судъ долженъ быть святилищемъ осуществленія правды и справедливости».

Н. Полянский.

Берлинскія письма.

А все-таки вопросъ о смертной казни былъ поставленъ! И какъ всѣ мы старались сдерживать себя, вызванные имъ дебаты прозвучали жестокимъ укоромъ столь модному сейчасъ равнодушію къ этическимъ основамъ уголовного правосудія. Организаторы послѣдняго сѣзда нѣмецкихъ юристовъ сдѣлали попытку набросить покрывало на эту роковую тему, угрожавшую омрачить юбилейный характеръ собранія. Но предметъ одержалъ верхъ надъ окутавшими его людскими условностями. Праздникъ пятидесятилѣтія только сугубо еще подчеркнул, какъ недалеко мы въ вопросахъ морали ушли за полувѣка впередъ.

О, нѣмецкому юристентагу есть, конечно, на что оглянуться. Сорганизовавшись въ эпоху глубокаго упадка національной и общественной жизни, онъ сталъ затѣмъ свидѣтелемъ великихъ дѣлъ и принималъ нерѣдко въ нихъ весьма активное участіе. Мало того, что работа собранія сопровождалась съ первыхъ же шаговъ неизмѣннымъ успѣхомъ, достигнута, какъ извѣстно, и поставленная имъ себѣ формальная цѣль. Объединеніе нѣмецкаго права! Какъ и политическое единство Германіи, оно представлялось въ 1860 году далекой и туманной мечтой. Печатью розни, а не сдѣленія отмѣчено было все, что предпринималось въ то время. И совершенно, казалось, тогда неоткуда было прийти снова подъему. Сильнѣе чѣмъ когда либо, чувствовалась вражда между сѣверомъ и югомъ. Въ Пруссіи царили обычныя послѣдствія затяжной реакціи. Маленькія государства съ упоеніемъ копались въ своихъ партикуляристскихъ особенностяхъ. Позади былъ тяжелый пассивъ, предъ глазами—однотонныя будни.

Коллегія ученыхъ, хотя бы даже и очень вліятельная, менѣе всего, разумѣется, способна была положить конецъ подобному состоянію. Только, къ счастью, она хорошо понимала, что это не даетъ еще ей права сидѣть сложа руки. Громадная заслуга нѣмецкихъ юридическихъ круговъ въ томъ именно и заключается, что въ это бѣдное всякой инициативой время они подняли свой голосъ на защиту лозунговъ, дышавшихъ вѣрой въ близкую побѣду новаго политическаго начала. «Пусть,—сказалъ гр. Вартенслебенъ,—не возражаютъ противъ дѣятельности нашего сѣзда, что онъ не располагаетъ средствами заставить отдѣльные государства считаться съ собою. Въ нашихъ рукахъ находится одна несомнѣнная сила,—это сила всеобщаго убѣжденія! И если намъ удастся склонить на свою сторону, этого могучаго ходатая предъ нѣмецкою

націей, то предложенія наши получаютъ также доступъ и въ отечественное законодательство»¹⁾.

Инициатива устройства періодическихъ сѣздовъ исходила отъ Франца Ф. Гольтцендорфа, тогда еще приватъ-доцента при берлинскомъ университетѣ. На призывъ молодого товарища откликнулись между прочимъ наиболѣе выдающіеся криминалисты того времени. Въ учредительномъ спискѣ мы находимъ имена Фр. Альб. Бернера, Вальберга, Вальтера, Вехтера, Глазера, Миттермайера, Шварце, Цахаріэ. Съ вопросами карательнаго права и пришла прежде всего въ соприкосновеніе практическая работа нѣмецкихъ юристентаговъ... Уже первому сѣзду представленъ былъ весьма обстоятельный докладъ члена апелляціоннаго суда Ф. Кревелля «О необходимости единого германскаго уголовного кодекса». Старшій прокуроръ Гроссъ предложилъ обратиться ко всѣмъ нѣмецкимъ правительствамъ съ петиціей объ избраніи совмѣстной комиссіи для подготовки соответствующаго законопроекта. У Августа Круга былъ уже давно на этотъ счетъ готовый планъ²⁾. И пр. Вольбергъ признаетъ въ высшей степени важнымъ собрать къ ближайшему же сѣзду отзывы объ осуществимости идей саксонскаго криминалиста въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ. Задача реформы уголовного права выдвинулась, такимъ образомъ, сразу на самое видное мѣсто. Съ нею всплылъ, разумѣется, наверхъ и вѣчный споръ о допустимости легализованнаго убійства.

Извѣстно, съ какою апатіей обсуждается сейчасъ въ юридическихъ кругахъ этотъ вопросъ, дѣлившій некогда криминалистовъ на два рѣзко враждебные лагеря. Въ другомъ мѣстѣ я сдѣлалъ попытку наметить въ самыхъ общихъ абрисахъ социальнопсихологическую подоплеку этого характернаго поворота³⁾. Прибавлю здѣсь только, что сейчасъ мы значительно дальше отъ единодушнаго осужденія смертной казни, чѣмъ были пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Весьма любопытную эволюцію продѣлалъ въ указанномъ отношеніи и нѣмецкій юристентагъ.

Въ 1863 г., на 4-мъ сѣздѣ, ф. Гуэ-Глюнекъ, выступившій противъ немедленной повсемѣстной отмены «вѣковаго карательнаго института», чувствовалъ и понималъ, что взглядъ его нуждается въ самомъ тщательномъ и осторожномъ обоснованіи. «Для меня вполне ясно,—говорилъ онъ,—какъ велика отвѣтственность человека, который предлагаетъ вамъ принять резолюцію о постепенномъ лишь отказѣ отъ смертной казни. Не скрываю отъ себя, что я иду тѣмъ самымъ наперекоръ могучему культурному движенію нашихъ дней. И я самъ считаю свою попытку тѣмъ болѣе трудной, что голосъ времени успѣлъ уже найти практическіе отклики въ законодательныхъ палатахъ многихъ государствъ. Серьезность положенія ни на одинъ моментъ не была

¹⁾ Verhandlungen des ersten deutschen Juristentages, Berlin, 1860, Erste Plenarsitzung, S. 177.

²⁾ „Ideen zu einer gemeinsamen Strafgesetzgebung für Deutschland, 1857.“

³⁾ „Вѣстникъ Европы“, Августъ, 1910, стр. 303—305.

для меня тайной. Я хорошо помню, что § 9-ый «Основныхъ правъ нѣмецкаго народа» какъ они формулированы были въ 1848 г. національнымъ собраніемъ, знаменовалъ собою полный отказъ отъ смертной казни въ нормальномъ судопроизводственномъ обиходѣ... Не хочу умолчать и о томъ, что нѣкоторыя нѣмецкія страны, если я не ошибаюсь Ольденбургъ, Нассау и Ангальтъ,—обходятся безъ нея и сейчасъ. Мнѣ, конечно, извѣстно, что въ 1860 г.... институтъ этотъ отмѣненъ въ аннексированномъ Сардиніей великомъ герцогствѣ тосканскомъ. Я знаю, что начиная съ 1862 года выходить специальный юридическій журналъ, видящій въ борьбѣ со смертной казнью и сключительную задачу своей серьезной, добросовѣстной и строго научной работы. Не забываю, что смертная казнь отмѣнена въ двухъ швейцарскихъ кантонахъ, что аналогичное рѣшеніе принято теперь португальскимъ парламентомъ, что противъ нея высказалась подавляющимъ большинствомъ голосовъ веймарская палата, а въ самое недавнее время также и баденская, послѣдняя даже при полуофициальномъ предварительномъ соглашеніи съ правительствомъ. И если я въ виду подобныхъ фактовъ, дерзаю все-таки со всею силою живущаго во мнѣ убѣжденія выступить за то, чтобы пока сохранена была въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ смертная казнь, то принудить къ этому меня могли, разумѣется, только самые серьезные мотивы¹⁾.

Не трудно догадаться, на чемъ покоилась положительная аргументація оратора. Какъ и всѣ приверженцы этой карательной санкціи,—поскольку они не ссылаются на «категорическій императивъ» и другіе сверхъпытные доводы,—ф. Гуэ-Глюнесъ видѣлъ въ ней единственно-дѣйствительный противовѣсъ соблазну посягательства на человѣческую жизнь. Онъ напомнилъ о случаяхъ, когда изблеченные судомъ убійцы цинически заявляли: «э, что тамъ, а головы намъ это все-таки не будетъ стоить». Великодушная попытка императора Юсифа II-го оказалась неудачной,—въ 1803 г. смертная казнь была въ габсбургской монархіи восстановлена. Опытъ Австріи съ ея одно время чрезвычайно широко примѣнявшейся практикой помилованія наглядно-де вообще показалъ, что рассматриваемый видъ социальной самообороны все еще является въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣломъ безусловной, хотя и печальной необходимости²⁾.

Доводы эти были слишкомъ субъективны, чтобы въ коллегіи юристовъ они могли кого-либо переубѣдить. Но референтъ съ надлежащей деликатностью коснулся большого вопроса, понимая, что описанная проба лежалъ во всякомъ случаѣ на его сторонѣ. Иначе тогда на одномъ изъ первыхъ собраний нѣмецкаго юристентага, попросту и нельзя было подойти къ этой проблемѣ.

Прошло 47 лѣтъ, и въ 1910 году, на тридцатомъ юбилейномъ съѣздѣ, оказывается уже вполне допу-

стимой совершенно иная аргументація. Вильгельмъ Каль, презирающій сомнѣнія и не любящій шутокъ берлинскій профессоръ, рѣшилъ и на этотъ разъ испытать одно изъ своихъ сильнодѣйствующихъ средствъ. Пустяки, заявилъ онъ, слабые нервы, у васъ, господа, вотъ и все: «Я самъ присутствовалъ при цѣломъ рядѣ казней и всегда съ тѣмъ только чувствомъ, что происходитъ актъ справедливости».

Сейчасъ, конечно, не очень много требуется мужества для того, чтобы выступить съ подобнымъ «такимъ вѣру»³⁾. Но невольно уносишься мыслью на полъ вѣка назадъ и думаешь, возможно ли было бы тогда продемонстрировать въ столь упрощенномъ порядкѣ свое превосходство? Мы видѣли, что выдающійся криминалистъ, которому поручено было обосновать взгляды приверженцевъ смертной казни, высказался противъ немедленной отмѣны этого института. Формула самого Ф. Гуэ-Глюнека начиналась съ указанія на необходимость «постепеннаго полного отказа отъ кары, непримиримой съ властнымъ голосомъ прогрессирующей цивилизаціи»¹⁾. А пока что предложено было оставить въ германскомъ кодексѣ эту высшую санкцію только для случаевъ предумышленнаго убійства и мятежничества посягательства на личность главы государства. Однако и здѣсь представлялось все-таки невозможнымъ сохранить за подобной угрозой абсолютный характеръ. Референтъ находилъ, что «преобладаніе смягчающихъ вину обстоятельствъ» должно дать суду право перейти къ пожизненному или временному отнятію свободы. Но и эту специальную оговорку очень многіе признавали еще неудобой. И лишь послѣ того, какъ она вычеркнута была. 3-я секція съѣзда высказалась 41-мъ противъ 40 голосовъ за временное сохраненіе смертной казни. Да и то напрасная вышла работа. Стоившая такихъ громадныхъ усилій резолюція просуществовала едва одни сутки. Въ ближайшемъ же пленарномъ засѣданіи она подавляющимъ большинствомъ голосовъ была отвергнута. Съѣздъ призналъ, что «въ будущемъ германскомъ кодексѣ не должна имѣть мѣста смертная казнь»²⁾.

Повторяю, это было въ 1863 г. Дѣло объединенія уголовного законодательства находилось еще въ отдаленной предварительной стадіи. Не разрѣшивъ вопроса о правѣ карательной власти пресѣкать жизнь человѣческую, криминалисты того времени не считали, однако, возможнымъ двинуться дальше... Теперь реформа снова на очереди. Подготовительная работа давно закончена. Опубликованъ даже проектъ. Но лишь нехотя да и то между прочимъ говорятъ сейчасъ юристы о смертной казни. Быть можетъ, потому, что она давно уже осуждена общественнымъ мнѣніемъ? Нѣтъ, причина иная. Источникъ откровенныхъ признаній а la Каль коренится всегда въ равнодушіи окружающей обывательской атмосферы. Германія совѣмъ не стоитъ въ данномъ случаѣ особнякомъ. Прошлогдніе де-

¹⁾ „Verhandlungen des vierten deutschen Juristentages“, B. II, S. 93.

²⁾ Ibid., S. 94—100.

¹⁾ См. „Gesammtbericht ueber die Thätigkeit des deutschen Juristentages in den 25 Jahren seines Bestehens“, Berlin, 1885, S. 126.

²⁾ Разумѣется, принята была при этомъ оговорка относительно военнаго времени.

баты во французской палатѣ еще болѣе въ этомъ смыслѣ характерны. А, кажется, засѣдаютъ тамъ люди не Богъ знаетъ съ какими «крѣпкими нервами». Притупленность чувствъ менѣе всего способна служить показателемъ его силы.

Только мимоходомъ, въ предѣлахъ общей темы «Карательныя средства предварительнаго проекта», долженъ былъ коснуться вопроса о смертной казни юристентагъ нынѣшняго года. Одна группа участниковъ смиренно заявила себя врагомъ всякихъ «бумажныхъ резолюцій». Другая полагала, что максимумъ допустимыхъ въ этой области уступокъ реализованъ самой комиссией. Третьей очень уже, наконецъ, дороги были юбилейныя приличія, и она рѣшительно заранее осуждала все, что способно было вызвать въ собраніи и за его стѣнами слишкомъ громкіе разговоры.

По существу вопросъ въ пленумѣ такъ и не былъ рассмотрѣнъ. А въ секціи сторонники смертной казни оказались въ значительномъ большинствѣ. Пятьдесятъ противъ двадцати четырехъ! Дѣло, разумѣется, далеко не всегда бываетъ въ количествѣ. Но все-таки, какъ посмотрѣть да посравнить вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, такъ начинаютъ умъ одолевать не очень то веселыя мысли. Миръ праху вашему, руководители и дѣятели первыхъ юридическихъ союзовъ. Видно, во-время умерли вы. Тогда, въ 60-хъ годахъ, вы свободно могли напоминать законодателю о томъ, какъ народъ смотритъ на ремесло палача¹⁾. Сейчасъ вамъ пришлось бы, пожалуй, выслушать по этому поводу упрекъ въ атрофій инстинкта «справедливости».

Впрочемъ, это вѣдь былъ юбилей. Такъ умѣстны-ли столь пессимистическія ноты? Тѣмъ болѣе, что и на самомъ съѣздѣ и особенно въ печати прозвучали слова такого энергичнаго и свѣжаго отпора, который позволяетъ рассчитывать на близость новаго въ этомъ вопросѣ поворота. Очень удачно подчеркнул пр. Липманъ, что собраніе произносило въ извѣстномъ смыслѣ приговоръ надъ собою самимъ: берегитесь, друзья, въ холодности, съ которою многіе изъ васъ относятся къ этой проблемѣ, чувствуются признаки «немошной дряхлости». Ораторъ коснулся несомнѣнно самаго чувствительнаго мѣста. Въ 50 лѣтъ люди и учрежденія не сходятъ въ Германіи со сцены. А при такомъ курсѣ, авторитетъ организациі специалистовъ свелся бы очень быстро къ нулю.

Да, юристентагу безусловно необходимо помолодѣть. И лучшее для этого средство вернуться къ гуманнымъ идеаламъ, завѣщаннымъ родиной стариками. Национальная задача выполнена. Заслуги съѣздовъ по объединенію отечественнаго права у всѣхъ предъ глазами. Но «нѣмецкое» слишкомъ долго и узкосердечно культивировалось въ ущербъ общечеловѣческому. А рано или поздно такая односторонность бываетъ всегда отомщена.

Г. Штильманъ.

¹⁾ Извѣстно, какую роль игралъ этотъ мотивъ въ аргументаціи Бернера.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

№ 147. 31 августа 1910 г.

Ст. 1475. О вознагражденіи за землю, отчужд. изъ владѣнія жены губ. секр. А. Бакшеевой для надобностей г. Москвы.

Ст. 1476. О вознагражденіи за землю, отчужд. изъ владѣнія мѣщ. И. Бровкина для надобностей г. Москвы.

Ст. 1477. О вознагражденіи за землю, отчужд. изъ владѣнія кр. Т. Тарасова для надобностей г. Москвы.

Ст. 1478. О вознагражденіи за землю, отчужд. изъ владѣнія купца Ф. Богатенкова для надобностей г. С.-Петербурга.

Ст. 1479. Объ измѣненіи образца метрич. книги о родившихся для сектантовъ, принимающихъ крещеніе въ зрѣломъ возрастѣ.

Ст. 1480. Объ отмѣнѣ денежнаго отпуска артиллер. паркомъ на заготовленіе матеріаловъ для лаборатор. работъ и на награды за лабораторныя занятія.

Ст. 1481. О бесплатномъ пользованіи обыват. лошадьми въ кубанскомъ и терскомъ казач. войскахъ.

Ст. 1482. Объ установленіи размѣра платы за рытье могилъ для умершихъ въ обл. и окр. больницахъ войска донского.

Ст. 1483. Объ учрежденіи въ г. Курганѣ, тобольской губ. общ. поощренія рысистаго коннозаводства.

№ 148. 3 сентября 1910 г.

Ст. 1484. О продленіи срока дѣйствія заключ. между Россіей и Германіей деклараціи о взаимномъ признаніи мѣрит. свидѣтельствъ торг. судовъ.

Ст. 1485. Объ измѣненіи ст. 3, 4, 5, 6, 13 и 19 инструкции 8 мая 1903 г. по приведенію въ дѣйствіе и примѣненію правилъ о каспійско-волжскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ.

Ст. 1486. Объ уменьшеніи 10-саж. ширины бечевника р. Онеги.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Московскій военно-окружный судъ.

(Дѣло о безпорядкахъ въ полку).

23 августа въ московскомъ военно-окружномъ судѣ разсматривалось дѣло о безпорядкахъ въ Ново-Ингерманландскомъ полку.

Обстоятельства дѣла обвинительный актъ излагаетъ слѣдующимъ образомъ:

Въ іюлѣ 1906 года въ 10-мъ пѣхотномъ Ново-ингерманландскомъ полку неожиданно, по крайней мѣрѣ для начальства, вспыхнули безпорядки.

Въ 10 часу вечера, порядочно спустя послѣ провѣрки, на краю лагеря послышался шумъ. Толпа солдатъ (человѣкъ 300) съ криками и шумомъ шла по лагерю и по дорогѣ захватывала и выгоняла изъ палатокъ попадавшихъ имъ солдатъ, напоминая имъ, что «утромъ они обѣщали дѣйствовать за одно», и предлагая присоединиться къ общимъ требованіямъ. Кричали «ура». Не понавивъ еще въ толпу солдаты вспоминали, что слышали еще утромъ о готовящейся «забастовкѣ», и толпа росла. Фельдфебель 4-й роты попытался не пустить своихъ солдатъ. Въ отвѣтъ на это толпа разбила его палатку и самому пригрозила топоромъ. Офицеры, находившіеся въ это время въ собраніи, поспѣшили на свои мѣста, а нѣкоторые отправились съ командиромъ полка на мѣсто происшествія и встрѣтили не очень любезный приемъ. На прямое обращеніе офицеровъ къ солдатамъ не разъ слышались «обрывательные» отвѣты: «Здѣсь вамъ не мѣсто» и т. п. Было очень темно, и разобрать отвѣчающихъ было нельзя. Единственный источникъ

свѣта—фонарь въ рукахъ командира полка, скоро погасъ, вырванный и растоптанный толпой.

Лагерные фонари были перебиты раньше. Нѣкоторые офицеры предупреждали изъ толпы, чтобы они шли, такъ какъ могутъ въ нихъ начать бросать камнями. Офицерамъ, желавшимъ говорить, долго это не удавалось. Нескоро удалось выяснитъ требованія солдатъ, выраженные въ безпорядочно перебивавшихъ другъ друга возгласахъ. Они сводились къ слѣдующему: 1) выдача такъ называемыхъ „суточныхъ денегъ“ (за охрану города), такъ какъ таковыя въ сосѣднемъ Троице-Сергіевскомъ полку были уже выданы изъ полковыхъ суммъ; 2) выдача денегъ „за постройку мостовъ въ Манчжуріи“; 3) не вычитать изъ аммуниціонныхъ денегъ за шитье сапогъ; 4) смѣна полкового адъютанта; 5) разрѣшеніе гулять по главнымъ улицамъ города (Тулы); 6) не задерживать писемъ и т. д.

Полковой командиръ долго увѣщевалъ солдатъ разойтись и на другой день изъяснить свои претензіи законнымъ путемъ, на что послышалось: „Мы добьемся всего, освобожденія арестованныхъ и т. п.“. Тутъ же предлагали сейчасъ идти освобождать. Наконецъ, командиръ обѣщалъ завтра же выдать „суточные“ изъ полковыхъ суммъ, и волненіе мало-помалу улеглось. Уже въ концѣ объясненій раздалась фраза: „Что ихъ слушать? Возьмемъ гармоники и будемъ всю ночь играть и плясать“. Голосъ этотъ, какъ показалось одному офицеру, принадлежалъ фельдфебелю 7-й роты Ворону, котораго и привлекли къ отвѣтственности за подстрекательство къ явному бунту.

На судебномъ слѣдствіи не подтвердилось даже и то, что фраза эта, навѣрное, была сказана Ворономъ. Самъ онъ охарактеризованъ былъ однимъ изъ свидѣтелей-офицеровъ, какъ „неособенно надежный фельдфебель“, но при подробномъ разспросѣ о его ненадежности выяснилось, что офицеръ считаетъ его большимъ весельчакомъ и не очень строгимъ къ солдатамъ.

Судъ, въ виду недоказанности обвиненія, Ворона оправдалъ.

Смоленскій окружный судъ.

(Дѣло объ аграрныхъ безпорядкахъ).

27-го августа, въ г. Рославлѣ выездной сессіей смоленскаго окружнаго суда съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло по обвиненію Семена Андреева Доронина и другихъ крестьянъ с. Большой Буды, костыревской вол., рославльскаго у., въ числѣ 92-хъ человекъ, въ самовольной порубкѣ изъ лѣсной дачи мѣщанъ Евстафьевыхъ. Обвинительный актъ излагаетъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ.

Въ концѣ 1905 и въ началѣ 1906 года крестьяне деревни Большой Буды, костыревской волости, рославльскаго у. отбили часть земли въ смежной съ ихъ владѣніями лѣсной дачѣ мѣщанъ Евстафьевыхъ и, несмотря на запрещеніе какъ послѣднихъ, такъ и полиціи, произвели массовый порубъ, вырубивъ до 25.000 деревьевъ на сумму около 15.000 руб. На возникшемъ по сему поводу слѣдствіи выяснилось слѣдующее. Лѣтомъ въ 1905 г. въ предѣлахъ костыревской волости, рославльскаго уѣзда, стали распространяться въ большомъ количествѣ прокламаціи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и подстрекающія отбирать у послѣднихъ ихъ земли. Подъ вліяніемъ агитаціи крестьяне деревни Большой Буды сошлись въ августѣ 1905 года, на сходѣ, созванный ихъ старостой Доронинымъ, и постановили приговоръ завладѣть частью лѣса въ смежномъ съ крестьянскими землями имѣніи „Владиміревскомъ“ мѣщанъ Евстафьевыхъ. Приговоръ этотъ былъ составленъ на дому у сельскаго старосты Доронина, который склонялъ крестьянъ ставить надъ нимъ

свой подписи, при чемъ нежелающихъ подписывать приговоръ принуждали къ тому силою, а Доронина угрожалъ заключить подъ арестъ. Послѣ этого 14-го августа 1905 года крестьяне деревни Большой Буды толпой въ числѣ болѣе 100 человекъ явились съ ружьями и топорами въ лѣсъ Евстафьевыхъ и провели просѣку, отбивъ ею лѣсной участокъ въ количествѣ около 100 десятинъ. На убѣжденія лѣсника Евстафьевыхъ, Федосія Тимошкова и прибывшаго полицейскаго урядника Авдѣева не трогать чужой лѣсъ крестьяне отвѣтили угрозами и продолжали порубъ, заставивъ удалиться изъ лѣса какъ Авдѣева съ Тимошкинымъ, такъ и пришедшихъ съ ними Константинова и Александра Евстафьевыхъ. При этомъ сельскій староста Доронинъ заявилъ послѣднему требованіе передать остальнымъ владѣльцамъ имѣнія, чтобы они не смѣли даже входить въ отбитый крестьянами участокъ лѣса. Проведя просѣку, крестьяне по подговору Семена Доронина и нѣкоторыхъ другихъ крестьянъ подѣлили захваченный ими участокъ лѣса на дѣлянки и, явившись снова всѣмъ обществомъ, произвели въ теченіе 22, 23 и 24 сентября того же года сплошную рубку лѣса, остановленную лишь прибытіемъ помощника исправника Руклевскаго съ ротой Невскаго пѣхотнаго полка. Послѣ удаленія солдатъ крестьяне на нѣкоторое время пріостановили порубъ лѣса, но въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ деревнѣ появились нѣсколько неизвѣстныхъ агитаторовъ, которые стали говорить, что помѣщики угнетаютъ народъ и что земля должна принадлежать всѣмъ бесплатно, „какъ воздухъ“. Собравъ крестьянъ, эти агитаторы явились въ имѣніе Евстафьевыхъ и предъявили владѣльцамъ требованіе отказаться отъ земли въ пользу крестьянъ и прекратить съ ними всякія тяжбы, угрожая въ противномъ случаѣ „дурнымъ исходомъ“. Нѣкоторое время спустя послѣ этого крестьяне всѣмъ обществомъ явились въ лѣсъ Евстафьевыхъ и продолжали рубку съ первыхъ чиселъ декабря до 8 января 1906 года, вырубивъ всего до 25.000 деревьевъ, на сумму около 15.000 р. Для прекращенія поруба потребовалось вновь вмѣшательство военной силы, вслѣдствіе чего и былъ командированъ съ войсками подполковникъ Гладышевъ, послѣ ухода котораго рубка лѣса болѣе не возобновлялась. Изложенное удостовѣрено въ соответствующихъ частяхъ допрошенными по дѣлу свидѣтелями, изъ показаній которыхъ также выяснилось, что въ скопищахъ, производившихъ порубъ лѣса у Евстафьевыхъ, принимали участіе крестьяне деревни Большой Буды.

Вслѣдствіе изложенныхъ данныхъ 92 чел. кр.—въ дер. В. Буды были привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ въ участіи въ скопищахъ, учинившихъ похищеніе принадлежащаго Евстафьевымъ лѣса, при чемъ двое изъ нихъ признали себя въ этомъ виновными и объяснили: Федоръ Сидоровъ, что участвовалъ въ порубкѣ лѣса по принужденію другихъ крестьянъ, а Леонъ Лещинскій, что, считая вырубленный участокъ крестьянской землей и не рассчитывая добиться чего-либо судомъ, рѣшилъ съ однодеревенцами самовольно вырубить лѣсъ, о чемъ и былъ составленъ приговоръ всѣми крестьянами. Остальные обвиняемые отрицали свою виновность, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ заявили, что рубили лѣсъ, считая его своимъ до старой межи, проведенной имъ еще прежнимъ владѣльцемъ имѣнія Эссеномъ.

Обвиненіе поддерживалъ товарищ прокурора В. Н. Коровинъ, обвиняемыхъ защищалъ прис. пов. Л. І. Зайковскій.

Въ засѣданіе явились изъ 92 обвиняемыхъ 77. Изъ 9 неявившихся 5 умерло, одинъ во время производства дознанія скрылся и не былъ розысканъ. Послѣ проверки подсудимыхъ присяжный повѣренный Л. І. Зайковскій ходатайствуетъ передъ судомъ объ оглошеніи дѣла. Онъ говоритъ, что это дѣло очень серьезно—обвиняются 92 человека, которые

въ общей сложности могутъ быть осуждены на 200—300 лѣтъ тюремнаго заключенія, поэтому онъ проситъ судъ въ виду той ответственности за судьбу 92 человѣкъ отложить дѣло и дать возможность ему, защитнику ихъ, детально ознакомиться съ дѣломъ.

Тов. прокурора Коровинъ считаетъ возможнымъ слушать дѣло.

Судъ постановилъ слушать дѣло.

Защитникъ проситъ приобщить къ дѣлу слѣдующее заявленіе.

„Вслѣдствіе временной моей отлучки изъ Рославля, я только теперь ознакомился съ содержаніемъ присланнаго мнѣ г-номъ предсѣдателемъ смоленскаго окружнаго суда увѣдомленія о томъ, что я назначенъ защитникомъ С. А. Доронина и другихъ 92 крестьянъ с. Большой Буды, костыревской волости, обвиняемыхъ по 269^й ст. улож. нак. Дѣло для просмотра мнѣ не было прислано и я не успѣлъ съ нимъ ознакомиться, чтобы быть дѣйствительнымъ защитникомъ обвиняемыхъ. Обвиняемые не признаютъ себя виновными и утверждаютъ, что не только спорная земля принадлежитъ имъ, но и всегда находилась въ ихъ фактическомъ владѣніи, въ подтвержденіе чего они представляютъ копію вводнаго листа и просятъ смоленскій окружной судъ вызвать свидѣтелей, допрошенныхъ судебнымъ слѣдователемъ, о вызовѣ которыхъ они раньше не заявляли ходатайства лишь потому, что были увѣрены, что показанія этихъ свидѣтелей будутъ извѣстны суду. Въ виду изложеннаго я прошу смоленскій окружной судъ дѣло отложить и вызвать къ разбору дѣла указываемыхъ обвиняемыми свидѣтелей“.

Послѣ повѣрки свидѣтелей оказалось, что не явился только одинъ свидѣтель Базеевъ. Защитникъ проситъ слушаніе дѣла отложить, такъ какъ свидѣтель можетъ дать существенныя для дѣла показанія. Предсѣдатель спрашиваетъ подсудимыхъ желаютъ ли они отложить дѣло, но не получилъ опредѣленнаго отвѣта. Судъ постановилъ начать слушаніе дѣла и приступаетъ къ опросу подсудимыхъ.

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта, предсѣдатель ставитъ вопросъ обвиняемымъ: признаютъ ли они себя виновными въ томъ, что они вторглись всѣмъ скопищемъ въ владѣніе мѣщанъ Евстафьевыхъ и произвели самовольную порубку. Подсудимые говорятъ, что не виновны, такъ какъ лѣсъ они рубили на своей землѣ.

Прокуроръ проситъ предсѣдателя спрашивать подсудимыхъ о томъ, рубили ли они лѣсъ. На этотъ вопросъ всѣ обвиняемые, за исключеніемъ 5-ти человѣкъ, говорятъ, что лѣсъ они рубили, такъ какъ лѣсъ ихъ. Но всѣ они отрицаютъ свою виновность въ томъ объемѣ, какъ она выражена въ обвинительномъ актѣ.

Одинъ изъ подсудимыхъ Афанасій Волковъ чувствуетъ себя дурно и проситъ предсѣдателя позволенія выйти. Предсѣдатель проситъ его повременить и приступаетъ къ вызову свидѣтелей. Въ это время съ Волковымъ случился припадокъ съ рвотой и его уводятъ изъ залы.

Предсѣдатель объявляетъ перерывъ засѣданія.

Защитникъ считаетъ необходимымъ дѣло отложить, такъ какъ у Волкова рвота и есть основаніе подозрѣвать холерное заболѣваніе, а въ комнатѣ дезинфекціи произведено не было. Судъ постановляетъ выдѣлить дѣло Волкова и объявляетъ перерывъ засѣданія на 8 минутъ. Перерывъ продолжался 2 часа. Въ это время прибывшими врачами была произведена дезинфекція въ залѣ, гдѣ сидѣлъ заболѣвшій подсудимый.

Послѣ перерыва свидѣтели просятъ позволенія сдѣлать предсѣдателю заявленіе. Уполномоченные всѣми свидѣтелями свидѣтели—виземскій исправникъ Р. Ф. Благодоровъ и рославльскій исправникъ И. И. Руклевскій просятъ дѣло отложить, т. е. присутствіе въ комнатѣ, гдѣ было подозрительное заболѣваніе представляетъ опасность для здоровья

и жизни свидѣтелей, тѣмъ болѣе, что дезинфекція была произведена послѣ того, какъ ближайшіе сосѣди больного могли разнести заразу по всей залѣ.

Предсѣдатель сообщаетъ свидѣтелямъ, что спрошенный имъ врачъ сказалъ, что случай нельзя категорически признать за холерное заболѣваніе и что послѣ дезинфекціи нѣтъ никакой опасности оставаться въ залѣ.

Свидѣтели остаются при своемъ мнѣніи и прибавляютъ, что заявленіе врача мало ихъ успокаиваетъ, и они находятся въ взволнованномъ настроеніи, что можетъ дурно отозваться на ихъ показаніяхъ.

И. И. Руклевскій отъ имени другихъ свидѣтелей прибавляетъ, что они просятъ судъ распустить ихъ, иначе они предпочитаютъ быть оштрафованными и самовольно уйдутъ изъ залы, гдѣ было подозрительное по холерѣ заболѣваніе.

Защитникъ поддерживаетъ ходатайство свидѣтелей и считаетъ необходимымъ отложить дѣло.

Товарищъ прокурора думаетъ, что по заявленію врача нѣтъ опасности оставаться въ залѣ, но что, если свидѣтели уйдутъ, продолжать дѣло нельзя будетъ.

Судъ удаляется на совѣщаніе. Послѣ совѣщанія предсѣдатель заявляетъ, что судъ измѣнилъ порядокъ опроса свидѣтелей.

Свидѣтель, бывшій рославльскій исправникъ, Благодоровъ говоритъ, что когда онъ получилъ донесеніе, что въ д. Большой Будѣ начались безпорядки и что урядникъ ихъ прекратить не могъ, онъ послалъ туда пристава 4 ст. Шершевицкаго. Шершевицкій донесъ ему, что крестьяне д. Буды начали порубь у мѣщанъ Евстафьевыхъ. На всѣ убѣжденія пристава прекратить порубь крестьяне отвѣчали, что рубятъ свой, а не чужой лѣсъ. На его вопросъ, кто былъ зачинщикомъ, приставъ назвалъ сельскаго старосту Доронина и 5 другихъ крестьянъ, которыхъ онъ арестовалъ. Послѣ посѣщенія приставомъ Шершевицкимъ мѣста дѣйствія, порубь на нѣкоторое время прекратился; но вскорѣ, по донесенію урядника, начался опять. Тогда свидѣтель отправилъ туда помощника исправника Руклевскаго съ ротой солдатъ. Руклевскій на время прекратилъ безпорядки, но они вскорѣ возобновились. Тогда было предписано подполковнику Гладышеву по дорогѣ изъ Коровниковъ зайти въ д. Буду и прекратить порубь. Свидѣтель помнитъ, что во время прекращенія поруба Гладышевымъ были жертвы со стороны крестьянъ и со стороны полиціи.

На вопросъ защитника—не были ли безпорядки слѣдствіемъ того, что землемѣръ обѣщалъ пріѣхать въ Буду для размежеванія земли и не пріѣхалъ, свидѣтель говоритъ, что не знаетъ, но онъ помнитъ только, что крестьяне просили его похлопотать о землемѣрѣ. По его мнѣнію, источникъ безпорядковъ—прокламація, въ массѣ появившіяся въ то время въ народѣ и агитація со стороны нѣкоторыхъ людей. Свидѣтель лично агитаторовъ не видалъ, но по донесенію пристава арестовалъ 6 человѣкъ крестьянъ, въ томъ числѣ и Доронина, какъ агитаторовъ.

Защитникъ спрашиваетъ свидѣтеля, знаетъ ли онъ, что подполковникъ Гладышевъ вмѣстѣ съ приставомъ Піотровскимъ разными репрессивными принудительными мѣрами заставляли крестьянъ отказываться отъ своихъ заявленій, что они рубятъ свой лѣсъ, и знаетъ ли свидѣтель, въ чемъ состояли эти принудительныя мѣры?

Предсѣдатель останавливаетъ защитника и говоритъ, что этотъ вопросъ не относится къ дѣлу. Защитникъ заявляетъ, что онъ хочетъ установить тотъ фактъ, что крестьяне подъ вліяніемъ угрозъ и насилій со стороны...

Предсѣдатель останавливаетъ защитника и заявляетъ, что при повтореніи подобныхъ вопросовъ онъ лишитъ его права защиты.

Свидѣтель, рославльскій исправникъ И. И. Руклевскій, излагая ходъ событій, говоритъ, что причину порубки онъ видитъ въ распространеніи въ народѣ прокламацій и революціонной агитаціи. Особыхъ агитаторовъ онъ не помнитъ, но думаетъ, что сельскій староста Доронинъ былъ главнымъ зачинщикомъ.

На вопросъ защитника, почему онъ такъ думаетъ, свидѣтель говоритъ, что въ каждомъ преступленіи, которое совершается не однимъ лицомъ, а нѣсколькими, долженъ быть зачинщикъ. А что зачинщикъ Доронинъ—онъ это видѣлъ изъ показаній, когда онъ сталъ ихъ опрашивать. Прибывъ—продолжаетъ свидѣтель—съ ротой солдатъ въ д. Буду, онъ не засталъ тамъ порубщиковъ. Когда онъ началъ по одиночкѣ спрашивать крестьянъ, кто изъ нихъ рубилъ лѣсъ, староста вмѣшивался въ отвѣты крестьянъ и, если кто говорилъ, что онъ не рубилъ, Доронинъ прерывалъ и говорилъ „врешь, рубили всѣ“, и обращаясь къ исправнику, заявлялъ: „нечего насъ спрашивать, мы всѣ рубили лѣсъ, такъ какъ онъ нашъ“. На замѣчанія исправника, чтобы онъ не вмѣшивался въ опросъ крестьянъ, Доронинъ не обращалъ вниманія, такъ что свидѣтель принужденъ былъ его арестовать.

На вопросъ товарища прокурора, что онъ знаетъ о приговорѣ крестьянъ—свидѣтель говоритъ, что онъ слышалъ о приговорѣ. Нѣкоторые крестьяне ему жаловались на то, что ихъ заставляли силою подписывать приговоръ. Лица, которыя производили порубку, онъ не помнитъ, такъ какъ въ лѣсу онъ ничего не видалъ.

На вопросъ товарища прокурора, сколько и какого лѣса было вырублено, свидѣтель говоритъ, что въ точности не помнитъ. Думаетъ, что вырубилъ лѣса тысячъ на 5—6 и слышалъ, что лѣсъ былъ строевой.

Защитникъ спрашиваетъ свидѣтеля, почему нѣкоторые изъ крестьянъ на его допросѣ отказывались отъ лѣса и не было ли это слѣдствіемъ угрозы?..

Предсѣдатель снова останавливаетъ защитника.

Свидѣтель, бывшій приставъ, рославльскаго уѣзда, помощ. смоленск. полиціимейстера Н. Н. Шершевицкій, излагая ходъ событій, говоритъ, что у обвиняемыхъ крестьянъ было два участка земли—одинъ надѣльный, а другой купленный. Оба эти участка раздѣлялись клиномъ десятины въ 100, принадлежавшимъ Евстафьевымъ. Крестьяне увѣряли, что этотъ клинъ ихъ—отданъ имъ помѣщикомъ Эсеномъ. По этому вопросу у крестьянъ былъ судъ съ Евстафьевымъ. Судъ высказался въ пользу Евстафьевыхъ, но крестьяне остались при своемъ убѣжденіи.

На вопросъ защитника, чѣмъ свидѣтель объясняетъ то обстоятельство, что всѣ крестьяне были увѣрены, что спорная земля ихняя, свидѣтель говоритъ, что подъ вліяніемъ прокламацій крестьяне рѣшили, что можно безнаказанно захватить чужую землю. Приговоръ крестьянъ—начало всѣхъ безпорядковъ. Крестьянъ для составленія приговора собралъ сельскій староста Доронинъ, который велъ себя вызывающе.

Предсѣдатель обращается къ защитнику съ вопросомъ, не имѣетъ ли онъ еще что-нибудь спросить у свидѣтелей.

Защитникъ еще разъ заявляетъ, что онъ почти не знакомъ съ дѣломъ и въ данный моментъ не имѣетъ вопросовъ.

Предсѣдатель заявляетъ, что опрошенные свидѣтели свободны.

Защитникъ протестуетъ противъ этого распоряженія предсѣдателя, заявляя, что онъ не имѣлъ возможности ознакомиться съ дѣломъ, поэтому въ настоящий моментъ не знаетъ, нужны ли будутъ еще въ интересахъ защиты свидѣтели или нѣтъ. Весьма возможно, что они понадобятся послѣ опроса другихъ свидѣтелей. Можетъ быть, для выясненія дѣла необходима будетъ очная ставка свидѣтелей.

Предсѣдатель однако повторяетъ, что онъ считаетъ возможнымъ отпустить опрошенныхъ свидѣтелей.

Владѣльцы вырубленной рощи Дмитрій и Кирилль Евстафьевы показываютъ, что до 1905 года они жили съ крестьянами мирно—никакихъ споровъ изъ-за клина не было. Крестьянамъ этотъ участокъ былъ необходимъ и они арендовали его у нихъ. Подъ вліяніемъ агитаціи и прокламацій крестьяне рѣшили овладѣть ихъ участкомъ. На всѣ уговоры съ ихъ стороны „не производить беззаконія“, мужики отвѣчали бранью и выгнали изъ лѣса сыновей Д. Евстафьева и лѣсника съ урядникомъ.

На вопросъ защитника, сколько десятины арендовали крестьяне, они показываютъ что 400.

Защитникъ заявляетъ, что крестьяне передали ему вводный листъ и просятъ приобщить его къ дѣлу, прибавляя, что, по заявленію всѣхъ обвиняемыхъ, крестьяне арендовали у Евстафьевыхъ со-всѣмъ другую землю.

На вопросъ товарища прокурора, не было ли насилій со стороны крестьянъ во время поруба, оба свидѣтеля говорятъ, что по рассказамъ сыновей крестьяне вели себя вызывающе, но сами свидѣтели не видѣли отъ крестьянъ ничего худого. Свидѣтель, урядникъ К. Д. Авдеевъ показываетъ, что онъ видѣлъ у крестьянъ прокламаціи, десятка полтора и отобралъ ихъ. Подполковникъ Гладышевъ—продолжалъ свидѣтель—изъ Коровниковъ заѣхалъ и въ Буду, свидѣтель слышалъ, что крестьянъ наказывали...

Предсѣдатель останавливаетъ свидѣтеля.

Свидѣтель Андрей Макаренковъ рассказываетъ, какъ староста принуждалъ подписывать приговоръ—онъ самъ видѣлъ, какъ одного крестьянина „волокли“ подписываться.

Защитникъ проситъ предсѣдателя дать слово подсудимому, Доронину.

Доронинъ говоритъ, что крестьянина, про котораго рассказываетъ Макаренковъ, пьянаго дѣйствительно вели подписывать, но не приговоръ, а совсѣмъ другую бумагу, о которой онъ прежде въ трезвомъ видѣ самъ хлопоталъ.

На вопросъ защитника, почему свидѣтель Макаренковъ знаетъ, что „волокли“ подписывать именно приговоръ о порубкѣ лѣса, послѣдній говоритъ, что это онъ слышалъ.

Остальные свидѣтели со стороны обвиненія заявили суду, что о приговорѣ слышали, но не знаютъ—составленъ онъ былъ или нѣтъ. Слѣды той границы, про которую говорятъ обвиняемые, существуютъ и до сихъ поръ. Лѣсъ былъ всякій, но не толще 6—8 вершковъ, больше было дровянику.

Свидѣтели Н. П. Соболевскій, С. Тимофеевъ, Василій Еремѣевъ, Семенъ Антоновъ и другіе всѣ доказали, что клинъ, на которомъ произошелъ порубъ, былъ отданъ крестьянамъ дер. Буды помѣщикомъ Эсеномъ. Граница, проведенная Эсеномъ, существуетъ и до сихъ поръ. Многіе изъ нихъ помнятъ, что на этой границѣ была изгородь, слѣды которой можно замѣтить и сейчасъ. Другихъ линій, о которыхъ говорятъ Евстафьевы, они не знаютъ и никогда не видѣли. Они слышали, что приѣзжалъ землемѣръ П. П. Карпачевъ и провелъ двѣ новыхъ линій, но гдѣ онѣ, свидѣтели не знаютъ. Крестьяне д. Буды издавна пользовались этой землей. На вопросы о томъ, какой лѣсъ срубили будяне и насколько, всѣ эти свидѣтели показываютъ, что лѣсъ плохой, заросль. Деревьевъ вершковъ въ 8—6 было очень немного. Были все больше деревья въ 2—3, а то и тоньше. На вопросъ товарища прокурора, что будяне можетъ быть пользовались этой землей, потому арендовали ее у Евстафьевыхъ, свидѣтели говорятъ, что будяне арендовали другую землю у Евстафьевыхъ, а эту имъ нечего было арендовать, такъ какъ она была въ ихъ владѣніи.

Свидѣтели Илья Лукьяновъ и Алексѣй Зыковъ,

показывают, что они были—первый кучеромъ, а второй бурмистромъ у помѣщицы Эссенъ и хорошо знают, что землю, на которой крестьяне вырубали лѣсъ, будянамъ отдалъ Эссенъ. Они помнятъ границу, отдѣляющую землю крестьянъ отъ помѣщичьей земли, на этой границѣ была изгородь, слѣды которой видны и до днѣшнихъ. На вопросъ прокурора, какъ рубили лѣсъ, всѣмъ обществомъ или нѣтъ, свидѣтели говорятъ, что, когда будяне узнали о томъ, что Евстафьевы рубятъ ихъ лѣсъ, крестьяне подѣлили его на „дѣлянки“ и стали рубить. Дѣлать ходили всѣмъ обществомъ, а рубить—когда, кто могъ.

Послѣ опроса этихъ свидѣтелей, защитникъ путемъ опроса свидѣтелей—Тихона Матвѣева, Евсѣя Петрова, Ивана Никитина и другихъ, устанавливаетъ, что Доронинъ былъ сельскимъ старостой только вначалѣ поруба. Потомъ онъ былъ арестованъ исправникомъ Благонравовымъ, а затѣмъ ушелъ на заработки на сторону. Защитникъ проситъ занести въ протоколъ эти показанія свидѣтелей.

Послѣ опроса свидѣтелей председатель спрашиваетъ, кто изъ подсудимыхъ можетъ сказать что себѣ въ защиту. Нѣсколько человекъ говорятъ, что они не рубили лѣсъ, такъ какъ ихъ не было дома. Другіе говорятъ, что они не были самостоятельными домохозяевами и рубили лѣсъ по приказанію старшихъ въ хозяйствѣ.

Затѣмъ начались пренія сторонъ.

Тов. прокурора Коровинъ. Чтобы предъявить къ подсудимымъ обвиненіе по 269¹ ст. улож. о наказ., надо доказать наличность въ преступленіи трехъ условій—скопища, захвата чужого имущества и мотива этого захвата, какъ онъ изложенъ въ 269¹ ст. На судѣ при допросѣ свидѣтелей вполне выяснилась наличность этихъ условій въ разбираемомъ преступленіи. Первое условіе—преступленіе было совершено скопищемъ. Это установлено свидѣтельскими показаніями. Лѣсъ рубили всѣ вмѣстѣ, толпой. Защитникъ пытается доказать, что рубили по одиночкѣ,—но это понятно. Надо было дать мѣсто другъ другу, чтобы не задѣть сосѣдей топоромъ. Наличность второго условія—истребленія чужого имущества—доказывать не приходится. Ясно, что подсудимые вырубали 25.000 деревьевъ лѣса, принадлежащаго Евстафьевымъ. Что же касается мотивовъ преступленія, то они какъ разъ тѣ, о которыхъ говорится въ 269¹ ст. улож. о нак. На судѣ выяснилось, что у крестьянъ было два участка земли, разъединенныхъ клиномъ, принадлежащимъ Евстафьевымъ. Чтобы соединить оба участка, крестьяне арендовали у Евстафьевыхъ этотъ клинъ. Но имъ хотѣлось даромъ завладѣть имъ. Они начали тяжбу съ Евстафьевымъ, надѣясь, что придетъ землемѣръ и отрѣжетъ имъ этотъ участокъ. Когда же дѣло ихъ было проиграно, крестьяне опять стали платить аренду Евстафьевымъ. Наступилъ 1905 годъ, въ деревняхъ появились агитаторы, появились прокламаціи, въ которыхъ говорилось о томъ, что земля должна принадлежать только крестьянамъ, которые ее воздѣлываютъ. Перспектива завладѣть лѣсомъ и соединить двѣ нивы прельстила крестьянъ. А тутъ еще явился подстрекатель, въ лицѣ сельскаго старосты Доронина. Доронинъ не былъ агитаторомъ въ смыслѣ распространенія въ народѣ противоправительственныхъ идей, онъ только подстрекатель. Онъ собираетъ сходъ, составляющій приговоръ, заставляетъ крестьянъ силой подписывать этотъ приговоръ. Судъ слышалъ, какъ свидѣтель Андрей Макаренковъ говорилъ о томъ, что одного крестьянина „волокли“ подписывать приговоръ. Свидѣтельскими показаніями установлено, что только 5 человекъ обвиняемыхъ не участвовали въ преступленіи, поэтому онъ, товарищъ прокурора, отказывается отъ ихъ обвиненія, остальныхъ же, главнымъ образомъ Семена Доронина, онъ проситъ судъ признать виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 269¹ ст. улож. о нак., причемъ ходатай-

ствуетъ передъ судомъ о смягченіи наказанія рядовымъ подсудимымъ, усиливъ наказаніе главарямъ и зачинщикамъ.

Защитникъ прис. пов. Зайковскій находитъ, что обвиненіе, предъявленное подсудимымъ, подводится обвинителемъ подъ 269¹ ст. улож. о наказ., причемъ 269¹ ст. понимается товарищемъ прокурора въ ея новой редакціи, изданной послѣ совершенія подсудимыми преступленія. Между тѣмъ между новой и старой редакціей 269¹ ст. большая разница,—269¹ ст. старой редакціи предусматриваетъ преступленіе, совершенное вслѣдствіе экономическихъ отношеній и ничего не говоритъ объ агитаціи и возбуждающихъ общественное спокойствіе слуховъ. Слѣдовательно, приходится только разобратъ были ли экономическія отношенія мотивомъ совершеннаго преступленія. По показаніямъ самого Евстафьева отношенія между подсудимыми и владѣльцами лѣсной дачи до возникновенія дѣла были хорошія. Такое категорическое утвержденіе самого заинтересованнаго лица ясно показываетъ, что преступленіе не было слѣдствіемъ экономическихъ отношеній. Не могла быть причиной безпорядковъ и агитація. Свидѣтели говорятъ, что была агитація. Но агитація была и въ уѣздѣ, и въ губерніи и по всей Россіи. Однако, не вездѣ были безпорядки. Я вижу другую, болѣе важную причину возникновенія безпорядковъ, чѣмъ агитація. По словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, Евстафьевы первые начали рубить лѣсъ, который крестьяне считали своимъ. Вотъ причина и начало безпорядковъ. Это—захватъ Евстафьевыми владѣній крестьянъ. Какъ могли реагировать на этотъ захватъ крестьяне? Разумѣется, они могли только заявить, что этотъ лѣсъ ихъ и что они лучше сами его рубить, чѣмъ позволять сдѣлать это Евстафьевымъ. Заявить безъ приговора имъ было нельзя. Тогда крестьяне собираются и составляютъ приговоръ. Этотъ приговоръ и есть корень обвиненія. Винятъ въ составленіи приговора Доронина. Но Доронинъ былъ старостой и былъ обязанъ созвать сходъ. Затѣмъ Доронинъ участвовалъ только въ расчисткѣ старой границы. Это законно. Вскорѣ Доронинъ былъ арестованъ, а потомъ ушелъ на заработки. На слѣдствіи было выяснено, что старая граница существовала. Объ этомъ говорили даже свидѣтели со стороны обвиненія. Относительно же новыхъ линій никто ничего не зналъ. Крестьяне просили произвести мѣстный осмотръ, но ихъ ходатайство не было уважено. На судѣ многіе говорили, что крестьяне издавна пользовались спорнымъ участкомъ. Евстафьевы утверждаютъ, что они арендовали его, но обвиняемые и многіе свидѣтели говорятъ, что они арендовали у Евстафьевыхъ совсѣмъ другую землю. Слѣдовательно, участокъ земли, на которомъ крестьяне вырубали лѣсъ, былъ въ ихъ фактическомъ владѣніи. Такимъ образомъ устраняется второе условіе, наличность котораго могла бы заставить подвести преступленіе по 269¹ ст. улож. о нак. Не было и копища въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ товарищъ прокурора. Были кучки крестьянъ, разновременно вѣдшихъ за лѣсомъ. Поэтому то ни въ какомъ случаѣ нельзя квалифицировать рассматриваемое преступленіе по 269¹ ст. улож. о наказ. Защитникъ проситъ оправдать подсудимыхъ. Затѣмъ онъ особо ходатайствуетъ о тѣхъ изъ крестьянъ, которые шли на порубъ по приказанію старшихъ домохозяевъ, упоминаетъ и про то, что къ суду привлечены по 2—3 человека отъ двора.

Судъ приговорилъ обвиняемыхъ Семена Доронина и другихъ въ числѣ 70 человекъ лишитъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и заключитъ въ тюрьму срокомъ на 8 мѣсяцевъ каждого; 6 человекъ оправданы.

ХРОНИКА.

Прав. сен. разъяснилъ, что земское собраніе не вправе предоставлять ва полное усмотрѣніе земскихъ управъ дѣла объ отсрочкахъ и разсрочкахъ недоимокъ земскаго сбора, хотя бы и въ предѣлахъ извѣстнаго срока, но должно, предоставляя управѣ непосредственное разрѣшеніе указанныхъ дѣлъ, преподать ей общія указанія относительно того порядка, которымъ она обязана руководствоваться въ дѣлѣ разсрочки недоимокъ. (12—VII—8910).

Прав. сен. разъяснилъ, что расходы на жалованье прачкѣ (она же кухарка), на содержаніе служителей, обязанность которыхъ состоитъ въ сохраненіи чистоты и порядка въ арестныхъ домахъ, на отопленіе и освѣщеніе ихъ, а также по снабженію помѣщеній сихъ домовъ мебелью и кроватями и ремонтъ таковыхъ, покрываются изъ суммъ—штрафнаго капитала. (12—VII—8912).

Прав. сен. разъяснилъ, что земскія собранія, дѣятельность которыхъ должна быть направляема къ удовлетворенію лишь мѣстныхъ польвъ и нуждъ, назначая единовременныя денежныя пособія общепольному учрежденію, открываемому въ другой мѣстности, и при этомъ не принимая никакихъ мѣръ къ тому, чтобы гарантировать специальное удовлетвореніе этимъ учрежденіемъ польвъ и нуждъ даннаго уѣзда или губерніи, выходятъ за указанные имъ закономъ предѣлы дѣятельности и преслѣдуютъ цѣли хотя и общепольныя, но имѣющія лишь весьма отдаленное отношеніе къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ, а въ иныхъ случаяхъ, быть можетъ и прямо имъ противоположныя (12—VII—8913).

Прав. сен. разъяснилъ, что подъ дополнительными выборами законъ разумѣетъ выборы, производимые въ дополнительно созываемомъ избирательномъ собраніи или сѣздѣ, но никакъ не дополнительное баллотированіе въ одномъ и томъ же избирательномъ собраніи тѣхъ или иныхъ предложенныхъ кандидатовъ (12—VII—8909).

Прав. сен. разъяснилъ, что признаками принадлежности пожарныхъ командъ къ числу общественныхъ являются учрежденіе команды съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и сосредоточеніе завѣдыванія личнымъ составомъ команды и пожарнымъ обозомъ въ городскомъ общественномъ управленіи. (13—VII—8962).

Прав. сен. разъяснилъ, что въ законѣ не содержится указаній о предоставленіи городскимъ общественнымъ управленіямъ права взымать въ свою пользу сборъ съ синемаграфовъ. (13—VII—8966).

Прав. сен. разъяснилъ, что простое собраніе частей предмета фабричнаго производства, изготовленнаго на фабрикѣ въ цѣльномъ видѣ и затѣмъ лишь разобраннаго для удобствъ или удешевленія перевозки, не можетъ быть признаваемо самостоятельной работою ремесленнаго промысла, дающей еврею право жительства въ качествѣ ремесленника (указъ деп. 24-го августа 1910 г., № 9588).

Новый законопроектъ о печати законченъ разсмотрѣніемъ въ совѣтѣ министровъ и будетъ внесенъ въ гос. думу въ теченіе предстоящей думской сессіи.

Первоначальный проектъ о печати, выработанный междувѣдомственнымъ совѣщаніемъ, подвергся въ совѣтѣ министровъ значительнымъ измѣненіямъ. Главнѣйшее изъ этихъ измѣненій состоитъ въ томъ, что въ основу новаго проекта положенъ принципъ судебной отвѣтственности фактическихъ редакторовъ вмѣсто официальныхъ, какъ раньше предполагалось. Официальные редакторы періодическихъ изданій привлекаются по новому проекту къ отвѣтственности только въ томъ случаѣ, если слѣдственной власти не удастся обнаружить, кто является фактическимъ редакторомъ даннаго періодическаго изданія.

Новый проектъ о печати признаетъ только отвѣтственность по суду, но, по сравненію съ нынѣ дѣйствующими законами о печати, судебныя кары значительно усиливаются.

Министерствомъ торговли и промышленности разрабатывается проектъ измѣненія давности по искамъ, предъявляемымъ къ пароходнымъ предпріятіямъ, за утерю или порчу грузовъ. Нынѣ для такихъ исковъ существуетъ 10-лѣтняя давность, въ то время, какъ для аналогичныхъ исковъ къ желѣзнымъ дорогамъ установлена годичная давность.

Разница эта, по мнѣнію составителей проекта, ведетъ къ большимъ осложненіямъ при предъявленіи исковъ по прямымъ смѣшаннымъ перевозкамъ. Пароходное предпріятіе въ такихъ случаяхъ лишено возможности требовать возмѣщенія убытковъ отъ желѣзныхъ дорогъ, хотя бы утеря груза произошла при сухопутной перевозкѣ.

Высшей желѣзнодорожной анкетной комиссіей внесенъ въ совѣтъ министровъ законопроектъ о реорганизации порядка предъявленія къ желѣзнымъ дорогамъ иска за увѣчья или смерть на желѣзныхъ дорогахъ. До сихъ поръ такіе иски предъявлялись въ уголовномъ судѣ одновременно съ привлеченіемъ служащихъ къ отвѣтственности за нерадѣніе или за небрежныя дѣйствія, повлекшія за собою несчастіе. Но такой порядокъ, по словамъ объяснительной записки, нарушалъ интересы дорогъ, такъ какъ въ уголовномъ процессѣ не примѣняются нормы гражданского права, дающія отвѣтчику полноту судебныхъ гарантій. Законопроектъ комиссіи гласитъ: «Иски къ желѣзнымъ дорогамъ за вредъ и убытки, причиненные ихъ служащими, не могутъ быть предъявляемы въ уголовномъ судѣ при разсмотрѣніи дѣлъ о лицахъ, привлекаемыхъ къ отвѣтственности за

неправильныя дѣйствія при исполненіи своихъ обязанностей. Такіе иски предъявляются исключительно въ гражданскомъ судѣ».

3-го сентября въ особомъ присутствіи спб. судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, слушалось дѣло по обвиненію студ. ун-та Н. Соколова въ томъ, что онъ состоялъ представителемъ центрального комитета при рабочемъ союзѣ партіи соц.-рев. Дѣло это, какъ видно изъ обвинительнаго акта, возникло на основаніи свѣдѣній охраннаго отдѣленія.

Защищалъ Соколова прис. пов. кн. Эрстовъ.

Особое присутствіе оправдало Соколова.

Поддерживавшій обвиненіе тов. прок. Червинскій послѣ объявленія оправдательнаго приговора потребовалъ, чтобы палата передала Соколова въ распоряженіе охраннаго отдѣленія.

Предсѣдательствовавшій г. Олышевъ объяснилъ тов. прокурора, что «у палаты нѣтъ основаній для передачи оправданныхъ куда бы то ни было».

Вслѣдствіе предложенія министерства юстиціи, кіевскій сѣздъ мировыхъ судей постановилъ строго слѣдить за соблюденіемъ требованія закона, согласно которому евреи помощники присяжныхъ повѣренныхъ—выступали бы по гражданскимъ дѣламъ не болѣе трехъ разъ въ годъ.

Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ округа спб. судебной палаты пришлось недавно имѣть сужденіе по поводу инцидента, имѣвшаго мѣсто въ кювенепскомъ судѣ на разборѣ дѣла объ убійствѣ Герценштейна между защитникомъ Юскевича-Красковского пом. прис. пов. Никитинымъ и представителемъ интересовъ вдовы покойнаго Герценштейна, прис. пов. Андрониковымъ.

Инцидентъ состоялъ въ томъ, что, когда Никитинъ позволилъ себѣ инсинуацію и намекъ по адресу отсутствовавшего въ засѣданіи другого повѣреннаго г-жи Герценштейнъ, пр. пов. Заруднаго, прис. пов. Андрониковъ громко замѣтилъ: «Кто инсинуируетъ, не называя имени, тотъ или трусъ, или подлецъ».

О фактѣ этомъ пом. пр. пов. Никитинъ довелъ телеграммой до свѣдѣнія министра юстиціи, министръ передалъ телеграмму прокурору палаты, а послѣдній, въ свою очередь, препроводилъ все дѣло въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, съ предложеніемъ высказаться по поводу случившагося.

Собравъ много свидѣтельскихъ показаній лицъ, присутствовавшихъ на засѣданіи кювенепскаго суда, и заслушавъ объясненіе пр. пов. Андроникова, совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ нашелъ, что фраза, произнесенная пр. пов. Андрониковымъ, какъ сказанная въ третьемъ лицѣ, и не обращенная къ Никитину, не заключала явнаго оскорбленія, и потому постановилъ дисциплинарнаго преслѣдованія противъ пр. пов. Андроникова не возбуждать.

Смѣта министерства юстиціи по тюремной части. Расходы 32.647 тыс. руб. на 2.156 тыс. руб. болѣе чѣмъ въ 1910 г. Въ объяснительной запискѣ

къ смѣтѣ указывается, что, по свѣдѣніямъ главнаго тюремнаго управленія, нѣтъ основанія разсчитывать на скорое паденіе числа арестантовъ; напротивъ имѣются всѣ данныя полагать, что удержится прежній повышенный составъ, количество каторжныхъ въ послѣдніе годы значительно увеличилось. До 1905 года количество каторжныхъ не превышало 10—12 тысячъ; въ концѣ 1909 года количество это достигло 22 тысячъ человѣкъ, а въ 1910 г.—30 тысячъ человѣкъ. Къ 1 января 1910 г. количество заключенныхъ въ тюрьмахъ равнялось 175 тыс. человѣкъ, а къ 1 іюля того же года 169 тыс. Съ 1907 г. количество арестантовъ увеличилось приблизительно на 40 тыс. Смѣта разсчитана примѣрно на 175 тыс. Что касается закона объ условномъ освобожденіи, то онъ былъ пока примѣненъ къ 5.000 заключеннымъ.

По поводу думскаго пожеланія о переустройствѣ ветхихъ тюремныхъ зданій и постройки сѣти новыхъ тюремъ, объяснительная записка указываетъ, что, по выработанному министерствомъ юстиціи плану, на оборудованіе Россіи тюрьмами потребуется свыше 50 мил. руб. и потому работы эти надо производить постепенно. Въ этомъ году на постройку тюремъ испрашивается 4.954 тыс. руб. на 1.022 тыс. болѣе чѣмъ въ 1910 г.

Въ кіевской газетѣ «Огни» появилось письмо женщинъ, заключенныхъ въ кіевской лукьяновской тюрьмѣ:

Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ къ намъ часто доходили слухи о томъ, что тамъ побили того, тамъ другого. Съ корридора (на которомъ только мы—политическія, а остальные уголовныя) нерѣдко доносились звуки пощечинъ, крики и т. д. Они стали учащаться, эти гнусные факты, пока, наконецъ, не укоренились, стали будничными, обыкновенными... Это случилось съ водвореніемъ на постъ старшей надзирательницы, выдающей по своимъ способностямъ тюремщика-палача, видащаго въ арестантахъ личнаго врага, всячески глумящагося надъ нимъ съ какимъ то звѣрскимъ наслажденіемъ. Это — пьяная, грубая, грязная женщина, бывшая кухарка нач. и теперь получившая «полную и почти неограниченную власть». И пользуется она своимъ положеніемъ «начальства», какъ самый необузданный восточный деспотъ, это какая то система издѣвательства надъ человѣческой личностью. Принявъ бразды правленія, эта опьянѣвшая отъ власти, озвѣрѣлая «фурія» принялась бить съ плеча. Если не понравится ей лицо какой-нибудь уголовной, то она найдетъ поводъ побить ее. Напримѣръ днемъ одна старуха легла на матрацъ отдохнуть (она работала на тюремномъ огородѣ и очень устала). Сіе преступленіе усмотрѣла зоркимъ окомъ своимъ наша правительница «и расправилась съ ней по своему», т. е. побила «по мордѣ». Мы были свидѣтельницами, сторонними, такъ сказать, т. е. по рассказамъ, слыша крики, умопомрачительную ругань.

Конецъ нашему пассивному отношенію положилъ инцидентъ съ одной изъ насъ. Безъ всякаго повода съ ея стороны она была оскорблена словами однимъ

надзирателемъ, т. е. въ продолженіе получаса, если не больше, принуждена была выслушивать издѣвательства его, потокъ непристойной, невѣроятно грубой ругани. Мы написали заявленіе начальнику, карандашемъ на бумагѣ изъ-подъ сахара, въ неофициальной формѣ, излагая цѣлый рядъ фактовъ, требуя прекращенія беззаконій, возстановленія тюремнаго правила о вѣжливомъ обращеніи съ арестованными и затѣмъ прекращенія битья. Одна изъ насъ лично вручила это заявленіе начальнику и подкрѣпила его устной бесѣдой.

Начальникъ отвѣтилъ:—«Хорошо. Вѣрно,—бить не имѣютъ права и ругаться тоже. Нужно будетъ разъ навсегда это прекратить».

Но, конечно, избіенія не прекратились. Политическія нѣсколько разъ натыкались на сцены избіенія арестованныхъ надзирателями. Ихъ слова «бить нельзя» признавались вмѣшательствомъ въ распоряженія начальства, за которымъ слѣдовалъ карцеръ.

Старшая надзирательница вывела на корридоръ одну уголовную и побила ее. Саша видѣла, крича ей: «Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете, вы не имѣете права».

Въ тотъ же день онѣ идутъ въ контору за выпиской и на нижнемъ корридорѣ становятся свидѣтельницами новаго мордобитія—та же повелительница и расправилась съ другой уголовной. Онѣ подняли крикъ—опять-таки говорили о «правѣ»—а финалъ—какъ только пришли въ контору, старшая надзирательница донесла о томъ, что онѣ вмѣшались не въ свое дѣло, и Крупенскій посадилъ С. и Ц. въ карцеръ, предварительно спросивъ «фурію»: «что же съ ними за это слѣлать?» «Въ карцеръ, ваше благородіе». И ихъ посадили, говорятъ на 14 сутокъ.

Кромѣ битья простого свирѣпствуютъ и «розги»: Угрожали и не каторжанамъ.

Неужели всѣ заключенные могутъ въ каждый прекрасный день быть высѣченными?

20-й вѣкъ съ розгой въ видѣ привычной вещи!

Волосы становятся дыбомъ!

Вы представляете себѣ, какъ сладко намъ быть подъ сіяніемъ пучка березы?

Можетъ ли человѣкъ изобрѣсть ужаснѣе нравственную пытку?

Да что толковать... А мордобитіе, избіенія? А ругань, къ которой ухо привыкло, которая обыкновенный разговоръ тюремщиковъ съ заключенными!

Въ минскомъ сыскомъ отдѣленіи на допросѣ убитъ нѣкто Шмарейчикъ, задержанный 8 мая с. г. по подозрѣнію въ кражѣ шинъ. Уликъ чикакихъ не было; въ ходъ были пущены обычныя средства воздѣйствія, между которыми одно изъ видныхъ мѣстъ занимали четыре резиновыя нагайки, постоянно хранившіяся въ сыскомъ отдѣленіи въ особомъ шкафу; изъ нихъ одна приобщена къ дѣлу, остальные заблаговременно убраны. Въ результатѣ «допроса» Шмарейчикъ въ ту же ночь скончался. Экзекуцію производили нынѣ уволенные и отданные подъ судъ—околоточный надзиратель, и два агента сыскаго отдѣленія—Малиновскій и Чичко. Разошедшіеся по городу и взволновавшіе общество слухи объ убійствѣ вызвали, наконецъ, вмѣшательство прокурорскаго надзора. По произведенному судебно-медицинскому вскрытію, констатирована смерть отъ удушенія (въ дыхательномъ горлѣ найдены рвотныя массы, которыя не могли быть извергнуты,—ротъ затыкался тряпкой). Вторичное—по предписанію прокурора виленской судебной палаты—вскрытіе обнаружило еще и тяжкія увѣчья (переломъ реберъ и проч.). Производство дознанія было передано виленскому судебному слѣдователю по особо-важнымъ дѣламъ, г. Бокитъко. Одинъ изъ свидѣтелей, писецъ сыскаго отдѣленія Кужелевичъ, очевидецъ «допроса», на другой же день послѣ дачи показанія, распоряженіемъ полиціе-мейстера, былъ уволенъ отъ должности, а въ настоящее время, какъ говорятъ, находится за предѣлами губерніи.

Въ верхнеднѣпровской тюрьмѣ безпорядки. Заключенные требуютъ прокурора. Одинъ изъ каторжанъ выхватилъ у надзирателя револьверъ и произвелъ въ себя выстрѣлъ. Тюрьма оцѣлена.

Съ 1-го по 31-ое августа, по газетнымъ сообщеніямъ, въ разныхъ городахъ Россіи вынесено 18-ть смертныхъ приговоровъ, а именно: во Владикавказѣ—5, Казани—4, Тифлисѣ—4, Одессѣ—2, Киевѣ—2 и Екатеринбургѣ—1. Всего за 9 мѣсяцевъ т. г. приговорено къ смертной казни—303 человѣка.

Впервые за время существованія нашего обновленнаго строя, газеты въ теченіе мѣсяца сообщили лишь о 2 смертныхъ казняхъ во Владикавказѣ. Всего за 9 мѣсяцевъ казнено 116 человѣкъ.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Касс. Деп. Правит. Сената.

На 13-е сент. по 1 экспед. суд. д-та

Апелляціонныя: по искамъ: Г. Миллера съ Ш. Безпалова и И. Коваленко 14.250 р. съ проц. по договору; К. Дуваржоглу съ М. Шварцмана и А. Плетульту 3.200 р. по векс.; П. Иванова съ Е. Ольсена 3.550 р. съ проц. и по встрѣч. 1.450 р. съ проц.; А. Щербаковой съ И. Васильева 23.750 р. съ проц.; по взаимн. А. Алексѣевой и А. Петровой; Ш. Вилькорейскаго съ В. Глазенапа и Я. Венгерова 34.611 р.; Т. Сахарова съ новогостиннодворской бирж. артели 1.600 р. и госуд. бумагъ на 1.600 р.

Частныя: по жалобамъ: на сб. коммерч. судъ: М. Машкауцана; пов. общ. парох. по рѣкѣ Волхову; пов. Гревенъ; пов. торг. дома „Книтъ и Вернеръ“;

пов. русск. для внѣшней торговли банка; Г. Ермолаева; по рапорту сб. коммерч. суда по д. И. Мережко съ В. Шауба о 759 р. 50 к.

О залогѣ и перезал. недвиж. имуществъ: Круглова; Селивановыхъ; Никитова; Вагерь; Комаровыхъ; Дроздовыхъ.

На 13-е сентября, по апеллянц. отд. уг. касс. деп.

Отзывы: Нахалкова сб. с. п. 341 ул.; Дроздовскаго харьковск. с. п. 341 ул.; Цедербаума варш. с. п. 132 угол. улож.; Окунева тифлисск. с. п. 347 ул. и 142 уст.

На 16-е сентября, по 1 экспед. судебн. департ.

Апелляціонныя: по взаимнымъ искамъ Бухарова и Малышева; то же о воспрещеніи производить

торговлю; Фаера съ Бродскимъ о 2.600 р.; Эрлиха съ Розенталемъ о 6.759 р. 62 к. съ проц.; Иванова съ Теодориди о 1.511 р. 27 к.; по взаимнымъ искамъ Гроверта и Тиме; Гуревича съ торгов. домомъ „В. Молчинеръ и Ко“ о 4.000 р.; по взаимнымъ искамъ Курбатовыхъ, Бѣльковича и Ожегова.

Частныя: по жалобамъ на спб. комм. судъ: Бибераля и ликвид. ком. Ко „Надежда“, Гиндина, Берковича, Бѣлоголова (2 дѣла), Ваксъ, Полевицкаго и Барри, Теплова, Цирлина, Скородумова, общества китайской восточной дороги, Аладинскаго; по жалобамъ на одесскій коммерческ. судъ: Хасензона, о пересмотрѣ рѣшенія по дѣлу Маляшенко.

На 16-е сентября, по 1 отд. угол. касс. деп.

Жалобы: Сердобинцева саратов. о. с. 942 ул.; Глаголева саратов. о. с. 1462 ул.; Теселкина и др. пензенск. о. с. 1609 ул.; Наздрачева и др. екатеринодар. о. с. 1630 ул.; Князькова саратов. о. с. 221 ул.; Калининныхъ и др. троичк. о. с. 170 уст.; Подкорытова троичк. о. с. 1681 ул.; Подобѣдова спб. ст. м. с. 26 уст.; Чапника варш. с. п. уст. там.; Боркова новгородск. о. с.; Дубровскаго звенигородск. м. с.; Крюковой воронежск. о. с.; Сойкина ковенск. о. с.; Дмитриева новгородск. о. с.; Корна варшавск. с. п.; Мескиной стародубск. о. с.; Боренштейна варш. гор. м. с.; Розенберга ю.-веррок. м. с.; Берзина р.-вольмарск. м. с.; Голембы гродненск. о. с.; Груничева нижегородск. о. с.; Олесинскихъ 2 петроков. м. с.; Лутовой орловск. о. с.; Бабакова орловск. о. с.; Мориса кишиневск. о. с.; Кушко витебск. о. с.; Фомина саратов. м. с.; Канева архангельск. о. с.; Гузь луцк. м. с.; Хецольда 1 калишск. м. с.; Пытляка 1 радомск. м. с.; Ианкевичъ 1 калишск. м. с.; Хривковой калужск. о. с.; Петройтисъ ковенск. о. с.; Цепененко одесск. о. с.; Косковой архангельск. о. с.; Макаровой казанск. о. с.; Розенберга варш. с. п.; Рудзитъ газ.-гробинск. м. с.; Кригсона р.-вольмар. м. с.; Донненбергъ винд.-гольдингенск. м. с.; Бытенскаго гродненск. о. с.; Сукке в.-гольдингенск. м. с.; Кравченко екатеринослав. о. с.; Мартыхина симбирск. о. с.; Водопьянова нижегородск. м. с.; Шееръ р.-гапсальск. м. с.—всѣ въ наруш. уст. акд.

Протестъ: тов. прок. саратовск. о. с. по обв. Морозова по 1464 ул.

На 17-е сент., по 2 отд. угол. касс. д-та.

Жалобы: Мусатовыхъ и др. витебск. о. с. 1489 ул.; Хондзынскаго варш. с. п.; Гусева спб. ст. м. с.; Гайворонскаго и др. екатеринославск. о. с.; Евангулова грозненск. м. с.; Дылиса ковенск. о. с. 1483 ул.; конкурен. упр. по д. несостоятельнаго должника Тарасова моск. ст. м. с.—Воробьевыхъ по 180² уст.; Мюльнера одесск. о. с. 296 ул.; Мельникъ кievск. о. с. Полищубовъ и др. по 1533 ул.; Алексѣева новочеркасск. с. п.; Булаха кievск. с. п.; Отруховой бердич. м. с.; Бумана м.-бауск. м. с.; Королева каз. с. п.; Майстренка таращан. м. с. 1483 ул.; русск. общ. пар. и торговли одесск. о. с.—Гордукалова 1681 ул.; Полтовичъ и др. кievск. о. с. 1666 ул.; Маламуда каменецк. м. с.; Перегордіева новочеркасск. с. п.; Олейника и др. житомирск. о. с. 269¹ ул.; Шнеерсона спб. ст. м. с.; Колчака литинск. м. с.—Лонгинскаго и др. 173 уст.; Абрамова кишиневск. м. с. 38 уст.; Островскаго иркутск. с. п. 1707 ул.; Подольскаго екатеринославск. о. с. 1707 ул.; Гохгеймана варш. с. п. 180³ уст.; Файнберга иркутск. с. п. 1707 ул.

Протесты: тов. прок. житомир. о. с. Шнурина 2 ч. 1484 ул.; кievск. о. с. Рубишевскаго 1692 ул.; елисаветград. о. с. Шевченко 170¹ уст.; луцк. о. с. Михайловой 169 уст.

На 17-е сентября, по 3 отд. уг. касс. деп.

Жалобы: Киселева казанск. о. с. 1654 ул.; Глинчикова ярославск. о. с. 1651 ул.; Эрбуша ю.-веррок. м. с. кража; Вейнберга т.-талсенск. м. с. 131 уст.; Зинина моск. ст. м. с. 170 уст.; Вочарова ростов.-на-Д. м. с. 142 уст.; Аллика в.-вейсеншт. м. с. 169 уст.; Алешкевича спб. ст. м. с. 142 уст.;

Чернявскаго лубенск. о. с. 287 ул.; Благодуровой елецк. о. с. 1657 ул.; Суворова моск. ст. м. с. 172 уст.; Браунфельда т.-талсенск. м. с. 169 уст.; Кагановъ луцк. м. с. 29 уст.; Воскресенскаго воронежск. о. с. 288 ул.; Лазоренковой лубенск. о. с. 172 уст.; Гладышева спб. ст. м. с. 142 уст.; Гуревичъ кievск. с. п. 1171 ул.; Борисенко полтавск. о. с. 236 ул.; Эйзенберга 2 радом. м. с. 1357¹ ул.; Халецкихъ екатеринославск. о. с. Шульмана и др. 1647 ул.; Витке и др. варш. с. п. 863 ул.; Некросовыхъ Поляковыхъ тверск. о. с. 1655 ул.; Чихалина и др. симбир. о. с. 269¹ ул.; Орловой и др. спб. ст. м. с. 136 уст.; Кенге в.-валск. м. с. Яшира и др. 142 уст.; Винпера в.-вейсеншт. м. с. 177 ул.; общ. м. в.-рыбин. ж. д. моск. о. с. Попандупуло по 1681 ул.; общ. м. в.-рыбинск. ж. д. елецк. о. с. Демидова по 1681 ул.; Корноза харьков. м. с. 173 уст.; Петрашевскаго и др. уфимск. о. с. 931¹ ул.; Шебалика нижегородск. о. с. 180 уст.; Айзенберга варшав. с. п. 111 уст. Барановскаго виленск. м. с. Новагинскаго по 29 уст.; Бѣлова моск. м. с. 142 уст.; Хлѣбникова моск. м. с. Закалдыриной 174 уст.; Альберга пер.-феллинск. м. с. 173 уст.; Матсина ю.-веррок. м. с. 142 уст.; Свистунова харьков. м. с. 142 уст.; Запоровъ харьков. о. с. 169 уст.; Вроблевскаго моск. о. с. 1656 ул.; Цыглера и др. варш. с. п. 863 ул.; Шапиро и др. виленск. о. с. 1354 ул.; Стефанова моск. м. с. Мисюкъ и др. 142 уст.; Блумберга г.-гробин. м. с. 46 уст.; Генгельбаха р.-гапсальск. м. с. 180 уст. Эльснера т.-талсенск. м. с. 142 уст. Балкунова ростов.-на-Д. м. с. 178 уст.; Михайлецъ ростов.-на-Д. м. с. 142 уст.; Тюрморѣзова у.-медвѣдичк. м. с. 169 уст.

Протесты: тов. прок.: моск. о. с. Столярова 1681 ул.; владимир. о. с. Хухлина 1523 ул.; симбир. о. с. Неворочкиныхъ и др. 1654² ул.; рижск. о. с. Колка 175 уст.; ростов.-на-Д. о. с. Глушкова 1524 ул.; симбирск. о. с. Антонова 1646 ул.; спб. о. с. Сизова 172 уст.; симбирск. о. с. Федотова 1647 ул.; тверск. о. с. Строганова 1606 ул.; ростов.-на-Д. о. с. Конкина и др. 169 уст.

На 16-е сентября, по 4 отд. угол. касс. деп.

Жалобы: Ивановыхъ иркутск. с. п. 121 ул.; Соколовскаго варш. гор. м. с. 136 уст.; Лазутина моск. с. п. 986² ул.; Молякъ варш. 1 окр. м. с. Зыхъ въ кражѣ; Хамки варш. с. п. 1655 ул.; Геннека спб. с. п. 286 ул.; Госселовича спб. с. п. 1655 ул.; Хохбаума варш. с. п. 1483 ул.; Жеребятѣева и др. омск. с. п. 1483 ул.; Джейрановыхъ тифлисск. с. п. 1545 ул.; Клоссовскаго 2 варш. м. с. Лендзіонова по 136 уст.; Потапова саратовск. с. п. 1468 ул.; Турукина иркутск. с. п. 1455 ул.; Савицкаго 3 петроков. м. с. 142 уст.; Забродаскаго 2 петроков. м. с. 142 уст.; Боровскаго варш. г. м. с. 128 уст.; Мельникова моск. с. п. 1468 ул.; Хмѣлевскаго 1 калишск. м. с. 136 уст.; Хитрикова новочеркасск. с. п. 395 ул.; Рудницкаго и др. виленск. с. п. 57² уст.; Зейлигера и др. одесск. с. п. 1670¹ ул.; Мюнтера в.-вейсеншт. м. с. 155 уст.; Крашевскаго 1 варш. м. с. Малецкаго 142 уст.; Самотнаго 1 варшавск. м. с. 180 уст.; Мильке 2 варш. м. с. Радке и др. 152 уст.; Заммера р.-вольмар. м. с. Аболтина 155 уст.; Бергмана 2 петроков. м. с. 142 уст.; Яновыхъ в.-вейсенштейнск. м. с. 154 и 172 уст.; Педлера спб. с. п. 1692 ул.; пов. Геронимовъ варшавск. с. п. 823, 825 и 1483 улож.; заш. Елпатьевскаго спб. с. п. 129 угол. улож.; Свербула одесск. с. п. 943 ул.; Баландина и Осипова спб. с. п. 990 ул.; повѣр. отца и онек. Жемчуговой спб. с. п. Селявина 1531 ул.; заш. Сидорова-Подзорскаго спб. с. п. 372 ул.; заш. Вишнякова и Шатолина спб. с. п. 362 и 373 улож.; Друцкаго-Любецкаго виленск. с. п. 129 уг. ул.; заш. Логиновыхъ саратовск. с. п. 272 ул.; Куликова саратовск. с. п. 1535 улож.; Акберъ-Оглы тифлисск. с. п. 1484 ул.; Германа и др. новочеркасск. с. п. 125 уг. ул.; Яричина омск. с. п. 1464 ул.; Бахова иркутск. с. п. 354 улож.; Догонадзе тифлисск. с. п. 1629 ул.; Малиновскаго и др. варшавск. с. п. 1454 ул.; Плѣшкова и др. саратовск. с. п. 362 ул.;

Ульянова ташкентск. с. п. 1629 ул.; Свѣнцицаго пркутск. с. п. 1697 улож.; Сверчинскаго варш. гор. м. с. 136 уст.; Кагана вилensk. с. п. 128 угол. ул.; Суняева ташкентск. с. п. 1681 ул.; Кутаевича одесск. с. п. 354 улож.; Саверскаго новочеркасск. с. п. 378 ул.

Протесты: тов. прок. харьковск. с. п. Титова 2691 ул.; варш. с. п. Гляндбарта 300 ул.; кievск. с. п. Малевской по 1466 ул.

На 15-е сент., по 1 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Самсоновичей; Экъ съ витебск. льно пряд. фабр.; Липова съ забайк. ж. д.; балашовскаго покровск. женск. монаст. съ т. д. Шнейдеръ, Жаке и К^о; Ганжи; Перельмана съ дух. правл. еврейск. синагоги; Сиверса съ русск. общ. вост.-азиатск. пар.; Варваркина и Вассина; Срѣтенской съ Скоросѣловымъ; Кашириныхъ и др. съ ворон. отд. госуд. банка; Игнатьевой съ Ржановой; Пятибоковой съ Рудинскою; Янковскихъ и др. съ бар. Гареномъ; Гамбарова съ Карсадзе.

Сѣздовыя: Комара: съ Ашманомъ, Петрайтсомъ, Баіоринасами, Акстынасами, Бендзинасами, Янковскимъ, Кальватисами, Акстынасами, Янковскими, Барткусомъ; Брейдакъ съ Страковской; Виттальскаго съ кн. Абамеликомъ; Водрова съ Лапочкинымъ; Упениковъ; Сидоренко съ общ. кр. с. Кривого озера; Вишневыхъ; Ворошукковой съ Кравцомъ; Мосенкиса съ Дурачемъ; Луняковъ; Фесенко; Шершеня съ Пупенковой; Тихомировой съ Бугаемъ; Зязика съ Сѣдашевой; Скуфати съ Трандафиловой; Шерстюка съ Копердасами; Медемъ съ Тихоновымъ; Баранца и др. съ Рѣпки и др.; Семёнова съ Шакъ и Бернштейнъ.

На 16-е сентября, по 2 отд. гражд. касс. деп.

Палатскія: моск. каз. ж. д. съ Тарасовымъ, Фроловымъ; владик. ж. д. съ Кудакowej, Попадченко; Микрошевскаго съ ряз.-ур. ж. д.; ряз.-ур. ж. д. съ Бибичевымъ; варш.-вѣнск. ж. д. съ Кендзерскимъ; Михайловой съ моск. окр. ж. д.; упр. ж. д. съ Гусевымъ, стр. общ. „Россія“, Зерновымъ, Теплицкимъ, Хвилевичемъ, Мецнрромъ.

Сѣздовыя: упр. ж. д. съ Решаломъ и Киммелемъ, Скрынкой, Левитъ, Калачевскимъ, Гросбергомъ и Гринбергомъ, Итаковскимъ, Верковичемъ и Чертокомъ, Лейбовичемъ, Бернштейномъ, Карягинымъ, Бирнбаумомъ, Шолле, Аркинымъ, Вольпинымъ; Випиченко съ моск.-кiево-ворон. ж. д.; варш.-вѣнск. ж. д. съ Случескимъ, фирмой „А. Опенгеймъ“ (2 дѣла); Эпштейна съ полѣвск. ж. д.; сызр.-виземск. ж. д. съ Богдановымъ; южн. ж. д. съ Рабиновичемъ; привисл. ж. д. съ Гинбургомъ; владик. ж. д. съ тов. Луи Дрейфусъ, Акимочкинымъ, Полулинымъ; Шохера и др. съ екатерин. ж. д.; Рафаловича съ лодзинск. фабр. ж. д.

На 16-е сентября, по 3 отд. гражд. касс. д-та.

Палатскія: Строиловой съ Потоцкой; Леонова съ Шевелевыми; Кречунеско съ Шербаномъ; Махновецкихъ; Миркиндъ; Вавельберга съ конк. Ершова; Софиевыхъ съ Каргановой; Калачева съ Кыштымскимъ заводомъ; Зозули.

Сѣздовыя: Брауде съ Марчевскимъ; правл. ростовск. на-Дону кассы взаимоп. съ Жертовскими; опеки Шварцмана съ Ярошинскими; Качалова съ Сивотовымъ; Мiрошниченко съ Гусакомъ; Піорунъ съ Винярскимъ; Цыбина съ Киселевымъ; Гроссмана съ привисл. ж. д.; Кривовой съ Молошнымъ; Оклеза съ Сачко; Шерешевскаго съ привисл. ж. д.; Горбуновой съ Сяльковымъ; Румянцева съ Кривенкомъ; Чернова съ Крупениной; Коменданта съ Вовнекомъ; юго-вост. ж. д. съ Тренинымъ и др.; Фридрихъ съ Колесниковыми; Андреевой съ Карлсономъ; „Охотни-

чій Вѣстникъ“ съ Риделемъ; Эгтингера съ Бубыремъ; Лопатина съ Войновичемъ; Императ. русск. театр. общ. съ Даниловскимъ и Грачевымъ; Ребельскихъ съ Шеренцисомъ; Колунецкаго сел. общ. съ Волковыми.

На 18-е сентября, по 4 отд. гражд. касс. д-та.

Палатскія: Манойлова съ Бодашко; акц. общ. Сормово съ Кузнецовымъ; акц. общ. моск. фабр. Бенно Ренталеръ съ Вѣлокуровымъ; Ней съ админ. общ. „Двигатель“; Козлова съ моск.-яр.-арх. ж. д.; Суходольскихъ; Кузина съ тов. С. И. Шибаевъ и К^о; Сыромятникова съ Ивановымъ; таганрогск. металлургич. общ. съ Ачкасовымъ; Кукса и Чурилина съ Дедоновымъ; спб. порта съ Гордѣевымъ; Стишинской; Лазько; Науменко; Киселева.

Сѣздовыя: юго-зап. ж. д. съ Черкесомъ, Гринбергомъ; Клячко съ сѣв.-зап. ж. д.; Смирнова съ Березовскимъ; Филиппова съ Тихомировой; Игнатова съ Огановымъ; Ловкасовъ; Гижинской съ Дембовскимъ; Абрамовичъ съ Свядацемъ; либаво-ром. ж. д. съ Давыдовыми, Кроломъ; упр. ж. д. съ Гальперномъ; Вальтеръ съ Ивановымъ; Фейгина съ Дикомъ; Дюкарева съ Устиненковой; Неймана съ Розенсономъ; Шварцманъ съ Сикорскимъ; Коновалова съ Дыренковымъ; Паханова съ Климычевымъ; рабочихъ фабрики Долматовской мануфактуры; Пака съ Засниковымъ; Оксенштейна съ Казякиными, Бугровой, Шайкевичемъ; Калнынь съ бахмутск. отд. спб. международ. банка; Ефремова съ Дроздовымъ; Матвѣева съ т. д. М. Эльманъ; Абрамовыхъ съ Инсарской; Жукова съ Евангуловымъ; Горы съ Березюкомъ; третьей моск. артели серебряниковъ съ Голубевой; Ласточкина съ Ошенинымъ; Гольдфарба съ Барабашемъ; Барановой съ Остолоповымъ.

На 18-е сентября, по 5 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: упр. имѣн. загранич. духов. установлений въ Бессарабіи съ общ. посел. с. Унцемтъ-Борастоки; Алишкова съ яригеромъ; опеки намѣстника со Степановымъ и бессарабіи—таврич. земельный банкъ; Доскальчука съ петербургско-тульскимъ подзем. банкомъ; Янсона (преемн. торг. д. И. Е. Громова наслѣдники) съ Островскимъ и Начаркимъ 2 дѣла; Кирѣвой съ Кирѣвыми; Тарана съ Албуль и Стукаленко; Рябова съ Фирсановымъ; Шапнагиса съ вилленскимъ земельн. банкомъ; Пягоновой съ Прокофьевыми.

Сѣздовыя: Тарасова съ Состинымъ; Кацъ съ Ройтенштейнъ; Леренцевича съ Шапиро и др.; Тумаревыхъ; наслѣдн. гр. Мордвинова съ Андриановымъ; Бѣдцева съ Бутовскимъ; Вольдевича съ кн. Ухтомскимъ; Пышина съ Граапъ; торг. д. Никуличевъ съ с-ми и др.; Прилуцкаго съ Некрасовымъ; Зубова съ Зубовымъ и Илатоновымъ; Муравьева съ Гомусомъ и Лысенко; Киселева съ Смирновымъ; Красницкаго съ Сестржевитовскимъ; Дерюгина съ общ. 2-й части стан. Каменской; Попова съ Костинымъ; Луценко съ Коржеевскимъ; Стевени съ акц. общ. лѣсная торг. А. М. Григорьева; Фельдмана съ Гуревичемъ и Арзамасцевымъ; общ. кр. с. Шабельска съ Савранскимъ и Чуприной; Петрика съ Гамаловымъ; Ойстагера и Барама съ кн. Святополь-Четвертинскимъ; московско-кiево-воронежской ж. д. съ Пономаровымъ; Филиппова съ Батаевымъ; Шарановой съ Шарановымъ и Поповымъ; Брызгалова съ Шейкинымъ; торг. дом. Стукенъ и К^о съ Черчеповымъ; Комарова и Мордашевыхъ съ Авксентьевскимъ изъ домохозяевъ тов.; Овсянникова съ Суржиковой.

Издатель проф. В. М. Гессенъ.

Отвѣтственный редакторъ І. Е. Фриде.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Акиловъ, Исаакъ Борухъ.	С. о. 9 сент. № 72. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 1183.	Ново-Маргеланск. о. с.
Аксакаловъ, Додожанъ Юсуфъ.	С. о. 9 сент. № 72. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 1186.	Ташкентск. о. с.
Андреевъ, Нилъ Андреевъ, кр. д. Ребячье.	С. о. 2 сент. № 70. Опек. надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 413.	Сиб. с. с.
Анелюнасъ, Иванъ Александровъ, б. почт.-тел. чиновн.	С. о. 2 сент. № 70. Опек. упр. надъ личн. и имущ. по разстр. умствен. способн. Р. VII, ст. 417.	Россіенск. с. с.
Беркманъ, Мордкель Лейзеровъ, мѣщ.	С. о. 9 сент. № 72. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 1184.	Витебск. о. с.
Бутурлинъ, Василій-Марія Александровъ, графъ, пот. дв.	С. о. 2 сент. № 70. Опекунск. упр. надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 416.	Каневск. дв. о.
Вольфъ, Юліусъ Максимиліановъ, посел.	С. о. 30 авг. № 69. Опекунск. упр. надъ личн. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 403.	Самарск. с. с.
Градилъ, Александръ Алоизовъ, авст. под.	С. о. 30 авг. № 69. Опек. надъ личн. по безумію. Р. VII, ст. 395.	Прилукск. с. с.
Гольденгаръ, Мендель, подъ фирмою: „М. Гольденгаръ и Ко“.	С. о. 13 сент. № 73. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 1193.	Варшавск. к. с.
Дручевскій, Аванасій.	С. о. 30 авг. № 69. Опек. надъ личн. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 402.	Полтавск. епарх. попеч.
Ивановъ, Василій, кр. д. Старого-Ростково.	С. о. 2 сент. № 70. Опек. надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 412.	Нековск. губ. пр.
Киселева, Наталья Моисеева, дочь куп.	С. о. 2 сент. № 70. Опек. надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 409.	Харьковск. с. с.
Казиковъ, Никита Ивановъ, кр. с. Горячина.	С. о. 2 сент. № 70. Опек. надъ имущ. по нетрезв. и расточит. образу жизни. Р. VII, ст. 420.	Тульск. губ. пр.
Карнаухова, Александра Павлова, кр.	С. о. 30 авг. № 69. Опек. надъ личн. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 400.	Ростовск. и/Д. с. с.
Мирзалиевъ, Мулла Юсуфъ.	С. о. 9 сент. № 72. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 1188.	Ташкентск. о. с.
Максимовъ, Николай Яковлевъ, мѣщ.	С. о. 9 сент. № 72. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 1189.	Томск. о. с.
Митко, Викентій Доминиковъ, кр.	С. о. 30 авг. № 69. Опек. надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 399.	Земск. нач. Зуч. Поневѣжск. у.

Михайловъ, Гавріиль Михайловъ, кр. д. Юрчакова.	С. о. 2 сент. № 70. Опекa надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 405.	Спб. с. с.
Мигуновъ, Егоръ Анисимовъ, кр. д. Крикова.	С. о. 2 сент. № 70. Опекa надъ имущ. по безпутн. и расточительн. жизни. Р. VII, ст. 406.	Земск. нач. 2 уч. виземск. у.
Носовъ, Василій Степановъ, кр. с. Никиткина.	С. о. 2 сент. № 70. Опекa надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 410.	Балашовск. с. с.
Петровъ, Алексѣй Максимовъ, куп.	С. о. 9 сент. № 72. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 1181.	Спб. о. с.
Пухлякова, Лидія Федорова, вд. полковн.	С. о. 30 авг. № 69. Опекa надъ личн. и имущ. по душевн. болѣзни. Р. VII, ст. 401.	Московск. дв. о.
Пупинъ, Егоръ Григорьевъ, мѣш.	С. о. 2 сент. № 70. Опекa надъ имущ. по нетрезв. и расточит. жизни. Р. VII, ст. 414.	Елабужск. с. с.
Ротштейнъ, Хаимъ-Абрамъ.	С. о. 9 сент. № 72. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 1190.	Радомск. о. с.
Ронъжинъ, Купріянъ Ивановичъ, кр. с. Елатомки.	С. о. 30 авг. № 69. Опекунск. упр. надъ имущ. по нетрезв. и расточит. жизни. Р. VII, ст. 404.	Самарск. губ. пр.
Романовъ, Викторъ, кр. д. Кольцова.	С. о. 2 сент. № 70. Опекa надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 408.	Никулинск. вол. пр.
Столбовъ, Арсеній Семеновъ, кр. д. Амбросова.	С. о. 9 сент. № 72. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 1180.	Костромск. о. с.
Соколовъ, Алексѣй Ивановичъ, кр.	С. о. 9 сент. № 72. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 1182.	Тамбовск. о. с.
Скаржинскій, Николай Егоровъ, ген.-м.	С. о. 2 сент. № 70. Опекунск. упр. надъ имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 415.	Лубовск. дв. о.
Степановъ, Захаръ, кр. д. Старой Кіевки.	С. о. 30 авг. № 69. Опекa надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 396.	Псковск. губ. пр.
Семинъ, Филиппъ Кондратьевъ, кр. д. Романовки.	С. о. 2 сент. № 70. Опекa надъ имущ. по нетрезв. и расточит. образу жизни. Р. VII, ст. 421.	Тульск. губ. пр.
Старостинъ, Алексѣй Егоровъ, кр. с. Петровскаго.	С. о. 2 сент. № 70. Опекa надъ имущ. по нетрезв. и расточит. образу жизни. Р. VII, ст. 422.	Тульск. губ. пр.
Турсунмуратовъ, Абдукадырь, сартъ.	С. о. 9 сент. № 72. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 1185.	Ташкентск. о. с.
Трофимовъ, Илья, кр. д. Балсупова.	С. о. 2 сент. № 70. Опекa надъ личн. и имущ. по расточит. Р. VII, ст. 407.	Земск. нач. 4 уч. Зубцовск. у.
Торубаровъ, Алексѣй Ивановичъ, каз.	С. о. 2 сент. № 70. Опекa надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 411.	Перв. донск. окр. оп.
Трушъ, Федоръ Лукинъ, каз.	С. о. 2 сент. № 70. Опекa надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 419.	Земск. нач. 1 уч. Пирятинск. у.
Ходжіевъ, Рахматъ Ша-Магомедъ.	С. о. 9 сент. № 72. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 1187.	Ташкентск. о. с.
Шила, Иванъ Васильевъ, каз.	С. о. 2 сент. № 70. Опекa надъ имущ. по расточительн. Р. VII, ст. 418.	Земск. нач. 1 уч. Пирятинск. у.
Шостакъ, Григорій Викентьевъ, мѣш. медич. фельдш.	С. о. 30 авг. № 69. Опекa надъ личн. и имущ. по сумасшествію. Р. VII, ст. 398.	Симбирск. с. с.
Шакирбаевъ, Юсупъ Аксакаль.	С. о. 9 сент. № 72. Несостоят. должн. Р. VI, ст. 1186.	Ташкентск. о. с.
Яковлевъ (онъ же Смирновъ), Максимъ Яковлевъ, куп.	С. о. 30 авг. № 69. Опекa надъ личн. и имущ. по умопомѣшат. Р. VII, ст. 397.	Спб. с. с.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ рас- публиковано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произве- ло публикаціи.
Крюковъ, Григорій Васильевъ, кр. можайск. у.	С. о. 2 сент. № 70. Прекращ. опека (учрежд. — с. о. 1909 г. № 45, ст. 269), за смертью. Р. VIII, ст. 271.	Московск. с. с.
Поповскій, Казиміръ-Аполлонъ Іосифовъ, дв.	С. о. 2 сент. № 70. Прекращ. опека (учрежд. — с. о. 1909 г. № 33 ст. 169), за смертью. Р. VIII, ст. 272.	Бременецк. дв. о.
Темразовъ, Михаилъ Артемьевъ, куп.	С. о. 2 сент. № 70. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ. — с. о. 1907 г. № 84, ст. 1037), признан. неосторожн. Р. VIII, ст. 269.	Астраханск. о. с.
Шредеръ, Яковъ Петровъ.	С. о. 2 сент. № 70. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ. — с. о. 1908 г. № 43, ст. 541), Р. VIII, ст. 270.	Таганрогск. о. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сего объявл., гдѣ рас- публиковано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произве- ло публикацію.
Анненковой, Татьяною Ми- хайловой, дв.	Аншельсону, Александру Аполлонову, пр. пов.	С. о. 2 сент. № 70. У спб. нот. Котельникова, 21 янв. 1910 г. № 778. Р. IV, ст. 313.	Курск. с. с.
Анюнасъ, Антономъ Казиміромъ Фаддѣевымъ, кр.	Наквасу, Казимиру Дзиг- мантову.	С. о. 26 авг. № 68. У саратовск. нот. Лазаркевича 9 янв. 1909 г. № 424. Р. IV, ст. 305.	Саратовск. о. с.
Грызловымъ, Василиемъ Фи- липповымъ, кр. д. Алешковой.	Грызлову, Козьмѣ Фи- липпову.	С. о. 30 авг. № 69. У козельск. нот. Воскресенскаго, 1 апрѣля, 1909 г. № 103. Р. IV, ст. 308.	Тульск. с. с.
Гедда, Татьяною Георгіевой, дв.	Сидоренко, Клавдіи Кон- стантиновой, вл. д. ст. сов.	С. о. 2 сент. № 70. У спб. нот. Ивашкевича, 20 февр. 1889 г. № 836. Р. IV, ст. 312.	Кіевск. о. с.
Кисловскими, Львомъ, Андре- емъ, Маріей Львовыми и опекой надъ Надеждой и Евстоіей Львовыми Кисловскими.	Киселеву, Захару Тимо- фееву, л. поч. гр.	С. о. 30 авг. № 69. У московск. от. Шидловскаго, 17 апр. 1907 г. № 2581. Р. IV, ст. 309.	Московск. о. с.
Левыкинымъ, Василиемъ Ми- хайловымъ.	Израелитану, Ильѣ Мо- исееву, частн. повѣр.	С. о. 26 авг. № 68. У смоленск. нотариуса Шмерлинга, 5 іюля 1908 г. № 2646. Р. IV, ст. 307.	Смоленск. о. с.
Мягковой, Ольгой Петровою, вл. г.-м.	Костикову, Николаю Ва- сильеву, поруч.	С. о. 30 авг. № 69. У тверск. нотар. Лукомскаго, 2 янв. 1908 г. Р. IV, ст. 310.	Тверск. о. с.
Ознобишиными, Семеномъ и Михаиломъ Николаевыми, дв.	Романову, Дмитрію Але- ксандрову, подполковн.	С. о. 26 авг. № 68. У московск. нот. Лессига, 19 янв. 1908 г. № 525. Р. IV, ст. 306.	Саратовск. о. с.
Филипповымъ, Григоріемъ Алексѣевымъ, кр.	Филиппову, Петру Ни- колаеву, кр.	С. о. 2 сент. № 70. У воронежск. нот. Чебыкина, 16 окт. 1909 г. № 245. Р. IV, ст. 311.	Острогожск. о. с.